

Что такое социал-демократия

Книга о социал-демократии
Ингвара Карлссона и Ани-Мари Линдгрен

Socialdemokraterna

Что такое социал-демократия

**Книга о социал-демократии
Ингвара Карлссона и Анн-Мари Линдгрен**

Предисловие

У каждого социал-демократа найдется свой собственный и в высшей степени личный ответ на вопрос, что же такое социал-демократия. Социал-демократическая партия не является, да и никогда не являлась партией с жестким набором догм, которым должны присягать все её члены.

Но существуют идейные традиции, сложившиеся за сто с лишним лет теоретических дебатов и практической работы, лежащие в основе работы партии. Эти традиции включают в себя идейные ценности, анализ состояния общества, мечты о том, каким оно будет завтра и практическую политику сегодняшнего дня.

В настоящей публикации — наши размышления о том, как развивались идейные традиции социал-демократии в Швеции и о том, каковы они сегодня. Мы постараемся показать, как социал-демократические идеи могут быть использованы для понимания перемен, которые сейчас переживают общество и политика. В этом смысле эта публикация является введением в историю идей социал-демократии и дебатов об этих идеях. Но помимо всего прочего, это и наш личный ответ на вопрос, что же такое социал-демократия.

Стокгольм
Август 1996 г.

Ингвар Карлссон

Анн-Мари Линдгрэн

Содержание

Введение: основы идеологии	7
Социал-демократические ценности:	
Свобода	15
Равенство	21
Солидарность	29
Демократия	33
Инструменты анализа	41
Капитализм	57
Рыночная экономика	65
Почему пал коммунизм?	79

Введение

В конце 19 века Норчёпинг был одним из крупнейших промышленных центров Швеции, в котором преобладала текстильная промышленность. В 1884 г. на текстильных фабриках Норчёпинга трудилось около 4 000 рабочих и работниц. Величина среднегодового дохода одного работника на суконной мануфактуре составляла 2 696 крон, а среднегодовая зарплата женщины-работницы на этой же фабрике едва достигала до 500 крон. Это за десяти-одиннадцатичасовой рабочий день, при шестидневной рабочей неделе, без отпуска, и даже без выходных на Рождество и Праздник летнего солнцестояния. Средств этих едва хватало на жизнь. Работницы, изготавливавшие тончайшие шерстяные ткани, не могли себе позволить их купить. Статистика условий жизни текстильных рабочих за 1894 г. показывает, что только мастера могли позволить себе снять жильё, большее, чем комната и кухня. Каждая третья рабочая семья ютилась в комнатухе с плитой, т. е. не имела даже отдельной кухни. Расходы на хозяйство показывают, что основной рацион рабочих состоял из каши, гороха, картошки и селёдки. Многие недоедали. Отчёты городских врачей свидетельствуют о губительных для здоровья условиях труда, о текстильной пыли, вызывавшей непрекращавшийся кашель и часто поражавшей легкие. О туберкулёзе, желудочно-кишечных заболеваниях и о многочисленных несчастных случаях на производстве не приходится и говорить. Немногие из работавших на текстильных производствах доживали до 40 лет.

Дети рабочих ходили в школу в течение шести лет, затем они начинали трудовую жизнь, чтобы помочь семье. Ежегодный вклад в семейный бюджет двенадцатилетнего работника на текстильной фабрике составлял не более 150 – 200 крон...

Практически никто из рабочих не мог участвовать в выборах. Для

права участия требовался годовой доход не менее 800 крон. Лишь жалованье мастера давало ему такое право.

Смельчаки из рабочих, отважившиеся вступить в профсоюз, рисковали немедленным увольнением.

Так просто и коротко можно описать обстановку, в которой зарождалось рабочее движение Швеции. Технический прогресс и связанный с ним рост объема промышленной продукции создавали огромные материальные богатства, но распределялись они крайне неравномерно. Социальная несправедливость бросалась в глаза, нужда всегда была рядом: чуть более длительная болезнь оказывалась опустошительной для скудного семейного бюджета работников. Промышленный спад или кризис означали немедленные массовые увольнения. Те же, кто по возрасту не в состоянии были продолжать работу, доживали свои дни в т. н. «бедных избах».

Рабочее движение Швеции выросло из этой суровой реальности, где властвовали нищета, унижения и несправедливость. Но лишь с появлением социалистических идей протесты обрели политическую форму и стали организованными.

Корни идеологии

У социал-демократической идеологии несколько разных корней. Её основополагающие ценности можно выразить с помощью лозунгов Французской революции: свобода, равенство, братство, которые в свою очередь основаны на представлении о равной ценности всех людей.

Но идеология развивающегося рабочего движения касалась не только ценностей, но и анализа общества, предлагавшего объяснение, почему возникла социальная несправедливость. В основной своей форме анализ этот был предложен Фридрихом Энгельсом и Карлом Марксом как смесь исторической философии, макроэкономики и социологии. Объединение различных политических воззрений под общим названием «социализм» — вещь весьма коварная, т. к. эти воззрения весьма сильно отличаются друг от друга. Некоторые из них получили дальнейшее развитие в рамках изначальной модели, другие дополнились новыми идеями, а некоторые далеко отошли от первоначального варианта.

Одним из основных положений марксистской модели является

материалистическое понимание истории. Под этим понимается развитие производительных сил (технических средств и организации труда), определяющее направление развития общества (социальной надстройки). Из этого в свою очередь делался вывод, что осуществление задачи построения социализма требовало коренных изменений в форме экономики: свобода и равенство становились возможными лишь тогда, когда в основе производства лежали интересы трудящихся масс, а не кучки частных собственников-капиталистов.

Способы и формы народовластия были предметом интенсивной борьбы различных группировок, объединенных эпитетом «социалистических». С самого начала, в соответствии с учением Маркса, подразумевалось, что собственность на средства производства — землю, капитал, фабрики и заводы, источники сырья — должна быть отменена, а право на них должно быть передано трудящимся. Однако даже сам Маркс весьма туманно описывал, как это коллективное хозяйствование должно выглядеть. И делал он это вполне сознательно. Он пояснял, что не предлагает никаких готовых рецептов для «кухни для бедных» будущего. В процессе широкой агитации за социалистические идеалы, развернувшейся еще в XIX в., вопрос о форме коллективной собственности также не занимал важного места. Более конкретный вопрос — как сделать, чтобы рабочий класс мог оказывать влияние на общество, занимал значительно более серьезное место, чем вопрос «А что же делать дальше с завоеванным влиянием?»

Реформизм или революция?

В этом вопросе рабочее движение раскололось на две части: на революционное и реформистское направления. Странники революции утверждали, что власть можно завоевать лишь насильственным путём, путём свержения старой системы и начав всё сначала. Странники же реформ утверждали, что власть можно завоевать мирным путем, а затем уже с помощью последовательных реформ заниматься переустройством общества.

В исторической перспективе видно, что эти представления формировались под влиянием внешних обстоятельств, в которых партии социалистов могли работать в той или иной стране. Российские социалисты, жестоко преследуемые царской охранкой,

рискующие быть сосланными, предпочитали революционные методы. Социалисты Западной Европы, тоже преследуемые властями, но имеющие тем не менее возможность успешно работать в условиях существовавшей системы, выбрали путь реформ.

Выбор способа захвата политической власти обусловил и дальнейшее политическое и идеологическое развитие партий. Из революционной школы вышли коммунистические партии, а из реформистской – социал-демократические; дальнейшее их развитие шло совершенно разными путями. Коммунистические партии выбрали однопартийную модель, иными словами, политическую диктатуру, а также государственное управление народным хозяйством. Социал-демократические партии выбрали демократию и многопартийную систему, где рыночная экономика давала возможность добиваться желаемых социальных результатов с помощью политических решений.

В XIX в. получили развитие две теоретические модели коллективной собственности. Сторонники первой утверждали, что коллективизация собственности должна происходить с помощью национализации, т. е. государство как общественный орган должно было взять под свой контроль все средства производства. Именно эта модель позже получит практическое использование в СССР и других странах "социалистического лагеря" с планово-экономической системой. Сегодня именно такую модель общества часто называют "социалистической". Но в исторической перспективе такой подход – явное упрощение.

Сторонники второй модели считали, что коллективная собственность должна быть организована через профсоюзные организации. Это воззрение получило название "синдикализм" по французскому названию профсоюза (syndicat). Одним из вариантов такой формы собственности являются рабочие кооперативы. Эти идеи никогда не получили практического воплощения, но они сыграли свою роль в дебате о том, что иногда называют индустриальной демократией. В среде шведских социал-демократов этот дебат перешел в дискуссию о "хорошей работе".

В XIX в. европейские социал-демократы при активном участии шведских социал-демократов создали третью модель, получившую несколько свободное название "смешанная экономика". Здесь акцент с формы собственности переместился на право принимать решения.

Следует вспомнить, что национализация средств производства

никогда не была целью, она была лишь средством. Право на частную собственность хотели отменить в первую очередь потому, что эту форму собственности воспринимали как причину угнетения и несправедливости. Целью было освобождение от угнетения и несправедливости, а вовсе не национализация средств производства.

Практический опыт развития в СССР после революции 1917 года продемонстрировал два момента. Во-первых, угнетение на самом деле не исчезает после коллективизации средств производства, но одна форма угнетения сменяется другой. Во-вторых, задача заставить народное хозяйство такого типа функционировать настолько эффективно, чтобы полностью удовлетворить потребности населения в продуктах питания, одежде, жилье, мебели и орудиях труда, связана с невероятными трудностями. Густав Мёллер (Gustav Moller) в одной из статей, написанных еще в 1918 году, указывал, что единственной причиной, по которой народ мог бы поддержать социалистический способ производства, было улучшение условий жизни. Так зачем вводить способ производства, вызывающий только ухудшение?

Собственный шведский опыт так называемого Комитета по национализации, который социал-демократическое правительство создало в 1920 году, подтверждает эту мысль. Когда от общих и в целом выполненных требований, касающихся коллективного владения, перешли к практическим размышлениям о конкретных способах реализации, возникли большие трудности.

Это, в широком смысле, можно назвать слабостью классических социалистических теорий: в них экономика рассматривается на так сказать макроуровне, с позиций власти и перераспределения ресурсов. В них полностью отсутствуют практические решения. Как же сделать, чтобы отдельные предприятия, из которых складывается экономика страны, работали продуктивно и бесперебойно и удовлетворяли всё возрастающие запросы потребителей? Маркс был специалистом в области макроэкономики, но не экономики предприятия. В практической политике, где речь по большому счету идёт о создании предпосылок для экономического роста, обойти вопросы, напрямую связанные с микроэкономикой (экономикой предприятия), невозможно. "Мы не можем осуществить социализм с помощью производства, опирающегося на костыли", писал Густав Мёллер в той же статье.

И тут уже недостаточно классических теорий.

Именно поэтому в 1920-е гг. в социал-демократической среде развернулись теоретические дебаты о критике модели национализации и поисках альтернативного подхода. Одним из ведущих лиц в этих дебатах был Нильс Карлебю (Nils Karleby), возглавлявший Комитет по национализации. Параллельно с чисто теоретическими дебатами велась дискуссия о новых методах борьбы с острой безработицей 1920-х гг. Это была дискуссия о новом типе экономической политики, в которой государству отводилась более активная роль, чем та, что ему отводилась существующими макроэкономическими теориями.

В этих дебатах ведущую роль играли [шведские] социал-демократы Эрнст Вигфорс (Ernst Wigforss) и Гуннар Мюрдаль (Gunnar Myrdal), но участвовали в дебатах не только социал-демократы. Важный вклад в обсуждение внесли либеральные экономисты, среди них будущий лидер Либеральной партии (Folkpartiet) Бертиль Олин (Bertil Ohlin). В социал-демократии этот новый экономический подход был связан с теоретической дискуссией о влиянии партии на развитие общества. Позже это ляжет в основу социал-демократической идеологической модели. Здесь во главу угла ставилось право на принятие решений, а не право собственности.

Таким образом, критика частной собственности в XIX в. должна рассматриваться с точки зрения влияния, которое давала такая форма собственности. До сих пор на предприятиях вопросы оплаты труда, найма и т. п. решались единолично руководством предприятия. Даже политическое влияние было на стороне имущих: участие в выборах требовало наличия состояния или определённого уровня доходов, который имели лишь немногие рабочие. Те, кто участвовали в агитационной работе за права рабочих на предприятии, рисковали быть уволенными. Те же, кто участвовал в политических формах протеста, преследовались как преступники и рисковали тюремным заключением. Практически все лидеры тогда еще зарождавшегося рабочего движения раньше или позже представляли перед судом и бывали осуждены, кто за "богохульство", кто "за преступления против верховной власти", кто "за оскорбление риксдага". Сами статьи обвинения красноречиво свидетельствуют о характере совершенного "правонарушения": критика существующего порядка.

По мере того, как рабочее движение росло и набирало политическую и профессиональную силу, стало очевидно, что связь

между властью и формой собственности можно разорвать без национализации средств производства. Когда политическая власть была увязана с правом участия в выборах, а не с собственностью, стало возможным использовать законодательство и экономическую политику для поддержки требований трудящихся о защите и справедливости. Когда профсоюзные организации прочно встали на ноги, трудящиеся смогли выставлять требования, касающиеся оплаты и условий труда. По мере того, как рос уровень заработной платы, укреплялись потребительские позиции работников по отношению к производителям.

Иными словами, с несправедливостью и эксплуатацией можно было бороться, не ввергая себя во все те политические и экономические трудности, которые влекла за собой сильная централизованная власть. И без риска новой формы закабаления, которая неизбежно возникала в условиях системы, позволяющей наличие лишь одной партии и одного типа взглядов на то, какими должны быть общество и экономика страны.

Это, естественно, не означает, что в Швеции в один день исчезли все формы социальной несправедливости и все проблемы. Не существует абсолютно бесконфликтных решений. Социал-демократическая модель означала, что власть переместилась от собственников к трудящимся, и таким образом, такие цели, как равенство, экономическая защищенность и социальная справедливость — не говоря уже об основополагающих требованиях демократии и участия в принятии всех решений — осуществлялись в значительно большей степени, чем в странах, следовавшим "единственно верной" доктрине.

Сегодня мы снова являемся свидетелями того, как позиция власти опять смещается вследствие изменений, происходящих на международном уровне. Глобализация экономики привела к тому, что власть собственности и капитала над обществом и его отдельными представителями усилилась. Задача, стоящая перед будущим, поиск новых политических инструментов, которые бы позволили вернуть эту власть и не оказаться в системе с ограниченной демократией.

Социал-демократические ценности: Свобода

Движения за свободу в различных формах существовали во все времена – восстания рабов в древнем мире, средневековые крестьянские бунты, религиозная борьба в XVII в., национально-освободительные движения в Европе XIX в. Но под свободой не всегда понималось то же самое, что мы сегодня вкладываем в это понятие.

Те же самые шведы, которые шли в бой за право протестантов на освобождение от католицизма и папы римского, жестко преследовали всех инакомыслящих в своей собственной стране. Национально-освободительные движения XIX в. ставили задачу освободить свои страны от чужого господства. Но те же самые государства, освободившись от господства другой страны, занимали зачастую очень непримиримую позицию по отношению к национальным меньшинствам в своей собственной стране, новые властители жестоко подавляли любое сопротивление против собственной власти.

Растущий класс торговцев и промышленников в Европе XVIII и XIX вв. требовал свободы от всех законов и установлений, в особенности тех, где речь шла о привилегиях для класса землевладельцев, привилегиях, мешавших развитию торговли и производства. Но когда участия в переговорах о заработной плате и условиях труда потребовали трудящиеся, на этом закончились все требования о свободе от законов. Эрнст Вигфорс (Ernst Wigfors) задавал вопрос: "Свобода? Безусловно. Но для кого? И для чего?"

"Свобода" – понятие многослойное и вовсе не такое простое, каким консерваторы и новые либералы пытаются его представить, когда пытаются противопоставить свободу личности коллективному решению.

Никто в этом мире не существует независимо от других. Здесь речь идет не только о том, что человек в высшей степени социальное существо. Для выживания и хорошего самочувствия каждый человек вынужден постоянно взаимодействовать с другими людьми. Ни один человек не может в одиночку построить себе дом, изготовить одежду, добыть себе пропитание, провести канализационные трубы, спроектировать средства передвижения и излечить свои болезни. Для того, чтобы каждый человек имел возможность все это иметь, а также вытекающую отсюда свободу не быть оставленным в голоде, холоде и болезнях, он должен взаимодействовать с другими. Или так: требуются коллективные решения. Коллективные решения являются условием свободы передвижения индивида и возможности управлять собственным существованием.

Но такие коллективные решения требуют в свою очередь, чтобы отдельные индивиды подчинялись необходимым установлениям для того, чтобы коллектив нормально функционировал. То, что делаем мы сами, оказывает влияние на окружающих точно также, как действия других оказывают воздействие на нас. Именно поэтому общество, в котором мы вместе сосуществуем в полной взаимной зависимости друг от друга, должно основываться на правилах, которые уважают все. Такое уважение предполагает, что правила учитывают всех граждан общества, а не только отдельных его представителей.

Именно поэтому всегда имеется определенное противоречие между требованием свободы, предъявляемым отдельным индивидом, и теми ограничениями свободы индивида, которые призваны защитить интересы всех остальных членов общества.

Правила дорожного движения являются обыденным примером этого. Нет сомнения, что ограничения скорости, запрет на стоянку и т. д. ограничивают абсолютную свободу водителей двигаться в любом направлении или останавливаться в любом месте. Одновременно эти правила обеспечивают большую свободу передвижения на улицах и площадях для всех не-водителей, которым бы иначе пришлось с трудом перемещаться среди автомобилей. На самом же деле правила дорожного движения, в конечном итоге, увеличивают свободу передвижения и для автомобилистов, т. к. в системе без каких бы то ни было действующих правил результатом явился бы транспортный хаос, при котором никто не смог бы никуда попасть.

Ново-либеральное учение о свободе с его очень жестким ин-

дивидуализмом делает вид, что эта взаимная зависимость не существует, и поэтому вовсе не принимает во внимание социальный контекст, в котором должны действовать индивидуальные свободы. Человек, живущий в пустыне, может выкурить свою сигарету когда и где ему заблагорассудится, ущерб он может нанести лишь себе самому. Человек же, работающий в коллективе и настаивающий на своём праве курить, когда ему заблагорассудится, нарушает право остальных на свободу защищать своё здоровье.

Поэтому свобода новых либералов на практике является свободой сильных, свободой, ценой которой является усиление несвободы менее сильных. Свобода владельцев предприятий принимать решения относительно условий труда означает ограничение свободы для наёмных работников, свобода владельцев жилых домов принимать решения ограничивает свободу жильцов принимать решения относительно своего жилья, свобода владельцев земельных участков принимать решения относительно застройки береговой полосы и пляжей ограничивает свободу остальных находиться на природе.

Свобода, в понимании социал-демократов, должна распространяться на большинство. Это реакция на несвободу и принуждение, в которых оказываются люди, когда решения об их жизненных условиях принимаются с позиций интересов других. Демократический социализм был и является требованием свободы от угнетения и унижения, от голода и невежества, от страха перед безработицей, болезнью и старостью. Это требование свободы участия в принятии решений, развития каждого члена общества и возможности оказывать влияние на общество, которое управляет его собственной жизнью и его собственным будущим.

Но если эта свобода должна распространяться на всех, то неизбежны определённые ограничения: ограничение права сильных брать себе больше других, а также ограничение права использования других в своих целях. Если исходить из права более сильного, то свобода — это индивидуальный трофей, который может быть завоеван в конкурентной борьбе с другими, в случае проигрыша они могут винить только самих себя. Такие ограничения никуда не годятся. Но если смотреть на свободу распоряжаться своей собственной жизнью как на общечеловеческое право, то неизбежно право более сильного будет ущемлено/ограничено в пользу всех остальных.

Всегда возникает конфликт между индивидуальным и кол-

лективным, конфликт, являющийся неизбежным результатом того, что люди одновременно являются индивидами и социальными существами. Если делать упор только на свободе для индивида, то мы рискуем оказаться в ситуации, где сильные оказывают давление на слабых. Если делать упор только на требования, выдвигаемые коллективом, то мы рискуем оказаться в ситуации, когда потребности индивида будут полностью подчинены интересам группы. Принимая во внимание первый вариант риска, мы, как социал-демократы, не должны забывать и о втором. Очень важно не допускать ситуаций, когда посягательство на свободу отдельного человека может быть оправдано тем, что это увеличивает степень свободы для других.

Имеются примеры того, как коллектив может вынудить всех одинаково действовать и думать, когда это никак не может быть оправдано учётом интересов других. Под лозунгом лояльности группе коллектив может подавить дискуссию и не допустить критического подхода к решению, принимаемому во имя коллектива. В коллективе может возникнуть правящая элита, использующая группу для принятия решений, укрепляющих положение самой элиты, а не группы в целом.

Подобный риск существует, безусловно, во всех типах коллективов, независимо от политической окраски. Результаты социологических исследований свидетельствуют, например, что самое большое сходство взглядов наблюдается в частном секторе экономики. Как социал-демократы, мы исходим из положения о том, что свобода личности должна быть реализована через то общество, где эта личность живёт; именно поэтому мы должны особенно внимательно присматриваться к видам коллективизма. Нам никогда не следует забывать, что реализация свободы для всех требует постоянного взвешивания требований индивидов и коллектива, и что свобода никогда не терпит компромиссов в основополагающих требованиях, касающихся свободы и прав человека, а также политической демократии.

Свободе не угрожает коллективизм, основанный на понимании того, что человек в обществе, где мы все зависим друг от друга, должен следовать определенным общим правилам. Но фундаментализм любого толка, будь он религиозный, политический или экономический, является угрозой свободе. Фундаментализм можно описать как убеждение в том, что собственная группа имеет право, данное Богом, Историей или Рынком на главенствование. А при

наличии такого права в абсолютном смысле нет никаких причин учитывать мнения тех, кто имеет иные представления. Наоборот, для их же собственного блага, да и для блага остальных, необходимо сделать всё возможное, чтобы не дать "заблуждающимся" осуществить их ошибочные идеи.

Открытость в отношении всех представлений и взглядов, желание уважительно выслушивать других и обмениваться взглядами для того, чтобы на основе общих решений двигаться вперед, являются поэтому неременным требованием для всех демократических и коллективистских движений. Это должно являться неременным требованием и для всех граждан в демократическом обществе.

Социал-демократические ценности: Равенство

Требование равенства является центральным в социализме. Вместе с тем, именно это требование нередко трактуется неправильно, и не только противниками.

Сторонники буржуазных теорий часто отвергают требование равенства, ссылаясь на то, что все люди разные. Т. е. требование равенства толкуется как необходимость подходить ко всем одинаково и жить совершенно одинаково. Точно также среди сторонников равенства имеется тенденция трактовать равенство так, что все должны жить в одинаковых условиях.

Это совершенно неверно, равенство никак не является синонимом одинаковости. Все люди, как мы уже констатировали, разные.

Но в некоторых отношениях мы одинаковы.

Каждый имеет свою собственную ценность, у каждого свои предпосылки и способности к развитию, у каждого — свои мечты и надежды.

И мы все являемся жителями общества. Форма общества и его развитие определяют те возможности, которые имеем мы, отдельные члены общества, для реализации имеющихся задатков и осуществления наших надежд.

В этом отношении равенство есть не что иное как требование "одинаковости" — т. е. равных возможностей для развития своих способностей для всех, а также равных возможностей для устройства собственной жизни.

Английский социолог Ричард Титмус (Richard Titmus) описал благополучие как "те ресурсы, которыми располагает тот или иной человек, с помощью которых он может контролировать и управлять такими жизненными условиями как здоровье, знания, психическая

и физическая энергии, социальные отношения, социальная защищенность и пр.”.

Это описывает, в какой-то степени, содержание понятия равенство: одинаковые возможности управлять условиями жизни для всех. Это также предопределяет в определённой степени задачу политики равенства: создавать равные для всех возможности для управления.

Основополагающей здесь, безусловно, является политическая демократия, которую также можно описать как ”равные возможности для влияния на принятие решений, определяющих развитие общества, которые в свою очередь определяют условия собственной жизни отдельного индивида”. Всеобщее и равное избирательное право – не просто одно из требований свободы, а в такой же степени и требование равенства.

Но этого формального равенства недостаточно ни для создания реально одинаковых возможностей для оказания влияния на общество, ни для собственного существования.

Знания относятся к важным индивидуальным ресурсам, позволяющим индивиду оказывать влияние на выбор своей работы (на рынке труда) и на свое дальнейшее развитие. Именно поэтому все должны иметь возможность получить хорошее образование, дающее широкие знания, независимо от материальных возможностей того или иного человека.

Здоровье – это тоже важный индивидуальный ресурс. Поэтому все должны иметь право на качественное медицинское обслуживание. Именно поэтому все должны иметь возможность влиять на условия труда таким образом, чтобы они не причиняли вреда здоровью.

Экономическая и социальная защищенность также относятся к средствам влияния на свое положение. Человек, зависящий материально, не может отстаивать свои интересы; человек, едва сводящий концы с концами и находящийся в состоянии постоянного страха перед возможностью заболеть или оказаться безработным, имеет весьма небольшие возможности для своего развития. Основополагающим для социальной защищенности, вполне естественно, является наличие работы, дающей постоянный доход. Не менее важной является и экономическая защищенность для безработных и престарелых, – это опять же возможность оказывать влияние на свое положение.

Одинаковые возможности или одинаковые результаты?

Политика равноправия может лишь создать равные возможности для всех. Как каждый распорядится этими возможностями – его дело. Политика равноправия не может, да и не ставит себе такую задачу, заставить всех двигаться в одном направлении для достижения одной цели.

В политической философии всегда различают равенство возможностей и равенство результатов. Именно последнее – равенство результатов – используется часто критиками, когда они утверждают, что равенство это то же самое, что унификация.

Если требование равенства трактовать как то, что все должны добиться одного и того же результата, тогда получается, что это требование всеобщей одинаковости. Но подобная трактовка равенства в корне противоречит самой его сути: права всех управлять собственной жизнью. Если всех заставить жить по шаблону, то у людей будет отнята возможность управления своей собственной жизнью. Трактовка ”все должны иметь всего поровну” – подрыв самой идеи равенства.

Итак, если даже в основе лежит принцип ”равенства возможностей” (управлять своей жизнью), то нельзя полностью отменить требования ”равенства результатов”. Возьмите в пример школу: всем необходимы определенные базовые знания для того, чтобы быть нормальным гражданином и работником. В этом смысле школа должна предоставить ”одинаковые результаты”. Что в свою очередь может потребовать ”различных возможностей”, т. е. школа использует разные педагогические методы, поскольку не все методы подходят в равной степени всем учащимся. Или же дополнительные усилия затрачиваются на тех учеников, кому учение дается труднее, чем остальным.

Что же касается всех дополнительных знаний помимо базовых, то тут, конечно же, нельзя требовать никакой уравниловки. Способные к музыке должны иметь возможность развивать эти способности точно также, как математически одаренные, способные к рукоделию или работе с людьми должны иметь право развивать именно эти свои стороны.

Равенство – это еще и одинаковое право для всех быть разными без того, чтобы что-то считалось важнее или лучше.

И только в обществе, достигшем настоящего равенства, имеется право быть разными. В обществе неравных обязательно кого-то отвергают или заталкивают в угол, лишая, таким образом, часть общества возможности на развитие своих способностей.

Свобода и равенство

Утверждение, что свобода и равенство находятся в противоречии друг к другу, встречается очень часто, особенно среди буржуазных комментаторов.

Этот тезис строится на ошибочном толковании требования к равенству, как одинаковому результату. Если всех загнать в одну и ту же форму, то это, как мы уже констатировали, противоречит праву каждого самому определять, как устроить свою жизнь и свои будни.

Определение равенства, таким образом, заключается не в том, что "все должны быть одинаковы". Равенство предполагает одинаковость лишь в одном отношении: на одинаковое право для всех определять для себя условия жизни. Или же, другими словами, одинаковое право на свободу.

Если говорить о праве на свободу всерьёз, то необходимо также иметь в виду, что свобода распространяется на всех членов общества. И тогда рассуждения о противоречии между равенством и свободой становятся абсурдными. Наоборот, равенство станет условием свободы: лишь в обществе равноправных все имеют возможность быть свободными. В обществе, где нет равенства, где более сильным разрешено отнимать у слабых, у отдельных представителей общества ограничивается возможность влиять на свою жизнь. Более сильные будут диктовать менее сильным свои условия, тем самым ограничивая их свободу.

Для того, чтобы тезис о противоречии между равенством и свободой был правомочным, свободу надо определять как "право брать себе за счёт других". И такого рода свобода, свобода для небольшого круга, в то время как остальным не достается ничего, безусловно, находится в конфликте с требованием равенства.

Но если свободу определять так, а на практике это приведёт к подчинению и несвободе для многих, то разве это свобода? Разве речь идёт не о привилегиях для узкого круга?

Равенство и эффективность

Хорошо забывая, но периодически повторяющаяся дискуссия заключается в утверждении, что "очень большое равенство" ущербно сказывается на экономической эффективности. Требуются экономические "ножницы", утверждают многие буржуазные полемисты; возможность быть богатым, зарабатывать больше денег,

чем другие - это один из факторов, как они утверждают, двигающих экономическое развитие.

Нет сомнения в том, что эквивалент исполнения, каким является заработная плата за выполненную работу, оказывает влияние на желание работать и добиваться успеха.

Социал-демократия также никогда не утверждала, что все виды труда должны совершенно одинаково вознаграждаться. Мы всегда признавали, что те, кто получили более основательное образование или те, кто несут большую ответственность, должны и лучше вознаграждаться.

Но подход этот должен быть одинаков для всех профессий! Нельзя отобрать несколько отраслей и сказать, что именно здесь старания и квалификация работников должны особо поощряться, а в других профессиях это делать не обязательно. Таким образом, первая категория получает возможность зарабатывать за счёт других. Но тогда "возможность разбогатеть", о которой говорят консерваторы как о важной движущей силе, при ближайшем рассмотрении относится лишь к некоторым избранным профессиям и должностям. Предполагается, что другие профессии, а иногда и целые отрасли, должны принять как данность, что их труд в денежном выражении не очень высоко оценивается, какими бы высоко профессиональными работниками они не были. И пусть себе и дальше продолжают работать на этих условиях.

Но для экономического роста недостаточно, чтобы свой вклад вносили лишь высококвалифицированные специалисты и руководители производства. Одинаково важно, чтобы как строительный рабочий и санитарка, так и архитектор и врач добросовестно относились к порученному им делу. Что проку от способного руководителя предприятия, если работники, выполняющие его указания, недостаточно мотивированы?

Когда разница в оплате труда разных категорий работников представляется как нечто положительное, то речь идет о сильном материальном поощрении работников высшего уровня. О второй стороне при этом умалчивают, другие категории работников при этом систематически подвергаются "уценке". А иначе не будет этих "ножниц" в уровне заработной платы. Но если попытаться оценить эффективность такого подхода, то нельзя рассматривать лишь то, что делается в верхней части этих ножниц, необходимо также проследить за тем, как это отражается на нижней части.

И тогда мы видим: общество, где имеется большая разница в

уровне оплаты труда работников, не является экономически эффективным. Если имеются подобные "ножницы" в системе образования, то это приводит к большому количеству работников с низким образованием, что в свою очередь приводит к снижению квалификации и в дальнейшем — к более низкой производительности труда. Если разница в состоянии здоровья населения велика по причине дорогого медицинского обслуживания или того, что условия на многих производствах опасны для здоровья, это также приведет к тому, что многие работники не смогут полноценно трудиться.

Большая разница уровней оплаты труда — это то же самое, что наличие большого числа работников с низкой оплатой. Большая группа низкооплачиваемого населения снижает уровень потребительского спроса, а это в свою очередь снижает возможность для предприятий развиваться и получать прибыль.

Имеется множество примеров, отчетливо это иллюстрирующих.

США — индустриальная страна, где перепад доходов населения самый высокий, что приводит к тому, что имеется большая группа "трудящейся бедноты", т. е. тех, кто трудится, но тем не менее не может себя прокормить. В то же время в США идут дебаты, вызванные большой озабоченностью низкой эффективностью экономики, следствием которой является низкая конкурентная способность американских товаров на международном рынке, особенно ощутимая по отношению к стремительно развивающимся индустриальным странам Юго-Восточной Азии. Основной причиной низкой экономической эффективности считают наличие большого количества низкооплачиваемых работ.

В США уровень безработицы ниже, чем в Западной Европе, факт, который часто приводится в качестве доказательства того, что с помощью больших "ножниц" в уровне оплаты труда можно справиться с безработицей. Однако многие экономисты критически воспринимают эти низкие показатели, считая, что за ними скрывается "безработица неполной занятости". Если измерить вместо этого степень маргинализации на рынке труда, а не процент занятого населения, то американские цифры становятся вполне сопоставимыми с европейскими. Экономика США не показывает более высокого среднего прироста, чем экономика Западной Европы, несмотря на более низкий уровень безработицы, чего можно было бы ожидать, трактуя низкие цифры безработицы, как более высокую степень использования

производственных мощностей.

Объясняется это большим количеством низкооплачиваемых видов работ, которые не могут создать дополнительный спрос, способный в свою очередь создать новые рабочие места.

Исследования ОЭСР (OECD), относящиеся к середине 1990-х годов, не дают подтверждения того, что увеличение "ножниц" в уровне оплаты труда само по себе может создать новые рабочие места. Изучение экономики развивающихся стран скорее свидетельствует о том, что более однородный уровень заработной платы больше способствует росту. Страны, которым удалось добиться стабильного экономического роста — в основном это страны Юго-Восточной Азии — отличает, вопреки всем консервативным теориям, определенная гомогенность в этом плане. Сравнительно большая группа населения имела возможность участвовать в производстве и получать вполне приличный доход за свой труд. Это вызвало рост спроса на внутреннем рынке, что в свою очередь позволило создать новые рабочие места и вызвало новый виток роста экономики. В странах, где мы не наблюдаем экономического роста, большая часть населения либо находится вне производства, либо имеет столь незначительные доходы, что они никак не могли повлиять на развитие внутреннего рынка.

Неравноправие означает всегда и во всех смыслах, что возможности определенной группы людей не могут быть полностью использованы. С общечеловеческих позиций — это значительное ограничение возможностей отдельных индивидов и возможностей для их развития.

И такие ограничения в действительности не являются особенно продуктивными.

Социал-демократические ценности: Солидарность

Свобода и равноправие – понятия, которые из-за своей сложности давно интересовали философов от политики. Много написано об их содержании и их взаимодействии. Понятие ”солидарность” не интересовало политических философов в той же степени. С другой стороны, имеется множество простых, похожих на лозунги предложений, выражающих смысл солидарности:

Вместе – мы сильны.

Единые – мы выстоим, по одиночке мы упадем.

Поделим между собой ношу каждого.

Все дети – дети всех.

Не трогай моего товарища!

Все эти предложения выражают связь, существующую между людьми. Связь, которая одновременно выражает и нашу ответственность друг за друга и нашу зависимость друг от друга.

Слово ”солидарность” происходит от латинского ”solidus”, что означает плотный, основательный, стабильный. Для молодого рабочего движения солидарность означала сплочённость; только совместными усилиями можно было изменить общество. В одиночку никто не мог справиться с несправедливостью властных структур того времени, лишь совместные усилия давали необходимую силу. Но требование сплочённости, взаимовыручки касалось не только самой борьбы за изменения, но и характера самих изменений. Важно было сообща вести борьбу за лучшее общество и важно было также поровну и справедливо поделить завоеванное. Шла борьба за то, чтобы сделать ОБЩИЕ завоевания, за всеобщее благосостояние, а не только за то, чтобы отдельные

представители общества в ходе соперничества оттесняли других, чтобы обеспечить благополучие лишь себе.

Понятие "солидарность" – это практическое выражение того, о чем мы писали в главе о равенстве: все люди – существа социальные, зависящие друг от друга в достижении своего благополучия. А также о том, что наилучшим образом функционирует лишь то общество, которое исходит из общего блага для всех его граждан, поэтому мы все заинтересованы в том, чтобы преумножать это благо.

Система здравоохранения может служить наглядным примером этого. Право на качественное медицинское обслуживание класса, независимо от уровня дохода, одно из основополагающих требований для достижения благосостояния. Чтобы оно и на практике стало всеобщим правом, мы должны все вместе солидарно вносить свой вклад в его финансирование. Это помощь здоровых больным или получившим увечья, но одновременно это и гарантия того, что каждый заболевший или пострадавший от несчастного случая получит в случае необходимости помощь. Солидарное финансирование дает уверенность отдельным гражданам, создает равенство между ними, но в то же время и создает лучшее общество. Разве рост числа социальных проблем и снижение экономической производительности, которые неизбежно являются следствием того, что часть населения не может себе позволить заботу о своём здоровье, не являются тому свидетельством?

Связь солидарности с защищенностью всех граждан видна также и в системе социального страхования. Семьи, в которых есть дети, получают помощь от всех налогоплательщиков страны, в том числе и от бездетных. Таким образом общество создает лучшие условия для детей. Через какое-то время эти подросшие дети уже в качестве налогоплательщиков будут помогать финансированию пенсионного обеспечения для пожилого населения, в том числе и бездетным. Таким образом создается защищенность для стариков. Все это даёт чувство уверенности каждому гражданину, и в то же время создается лучшее общество для всех нас.

Но солидарность – больше, чем коллективная корысть. Также как свобода и равенство, солидарность имеет еще и моральное содержание, что следует из лозунгов, приведенных в начале главы. Солидарность – это еще и обоюдная ответственность. Библейский завет "Раздели бремя свое с другим" на простом языке означает, что мы должны прийти на помощь тому, кто в этом нуждается, и не оставлять человека одного на один с трудностями. "Все дети – дети

всех" - вовсе не означает, что общество берет на себя от родителей ответственность за их детей, а предполагает, что мы все берем на себя ответственность за формирование такого общества, которое бы создало хорошие условия для воспитания и развития детей. Мораль солидарности совершенно отчётливо имеет корни в христианской этике; притча о доброй самаритянке является хорошей иллюстрацией мысли о солидарности.

Сегодня мы пользуемся понятиями "Свобода, равенство, солидарность" как социал-демократическими ценностями. Но первоначальным девизом Французской революции было "Свобода, равенство, братство", где "братство" выражает моральное содержание солидарности: внутреннее уважение и взаимную помощь, которые являются само собой разумеющимися среди близких людей. Вот что сказал Пер Альбин Ханссон (Per Albin Hansson) в своей знаменитой речи в риксдаге, посвященной народному дому:

"Основой любого дома являются общность и чувство родства. В хорошем доме нет ни привилегированных, ни униженных, нет баловней и пасынков. Там никто ни на кого не смотрит свысока, никто не пытается добыть себе преимуществ за счет других, там сильный не притесняет слабого и не издевается над ним. В хорошем доме царят равенство, забота, сотрудничество. Применительно к нашему большому народному дому, дому для всех граждан, это означает, что все социальные и экономические барьеры, которые сейчас делят общество на привилегированных и униженных, правящих и зависимых, богатых и бедных, имущих и неимущих, грабителей и ограбленных, будут уничтожены".

Солидарность не исключает стремления каждого развивать свои способности и потребности. Но она является полной противоположностью тому эгоизму, который позволяет одним использовать в своих целях других.

В этом смысле солидарность является одной из предпосылок равенства. Ибо именно чувства братства, солидарности могут заставить людей сотрудничать друг с другом и не дать более сильным использовать слабых. В то же время солидарность возможна лишь в обществе, где царит равенство, т. к. только в таком обществе нет борьбы за место под солнцем. Эти три понятия тесно взаимосвязаны. Свобода предусматривает равенство, равенство предусматривает солидарность, и солидарность предусматривает свободу и равенство.

Социал-демократические ценности: Демократия

Сегодня демократия – власть народа – как политический идеал утвердилась в большей части земного шара. Но как форма правления демократия молода, хотя само понятие уходит корнями в древнюю Грецию. Идея современной демократии получила развитие еще в XIX в., но в течение длительного времени она встречала жесткое сопротивление консервативно настроенных групп. Идеалом консерваторов того времени было иерархическое общество; каждый слой общества имел свое место и свои задачи. Задачей верхушки общества являлось правление обществом; считалось, что низшим слоям недостаёт для этого необходимых качеств.

Всеобщее избирательное право, краеугольный камень демократии, завоевывалось в большинстве стран Западной Европы в упорной борьбе с правыми силами. В 1918 году в Швеции коалиции либералов и социал-демократов удалось в результате десятилетий политической борьбы провести закон о всеобщем избирательном праве. И не успели они сломить сопротивление буржуазных противников, как на арену выступили новые силы: правые радикалы (нацисты и фашисты) и революционные группировки внутри социал-демократического движения, сторонники однопартийной системы.

Прошло много лет, и сейчас можно сказать, что истинный социализм не имеет ничего общего с диктатурой и угнетением. Социализм как движение возник как реакция на несвободу, в которой жили трудящиеся. Задачей социализма было их освобождение. Этого нельзя было добиться с помощью тоталитарного строя, какие бы красивые ярлыки на него не наклеивали. Истинный социализм – всегда демократичен.

Сегодня демократия как идеал признаётся даже её вчерашними противниками, за исключением некоторых крайне левых и крайне правых экстремистских группировок. Демократия как форма власти практически не вызывает разногласий. Что же касается сферы воздействия, т. е. того, какие вопросы полномочны решать демократические органы, то тут имеются серьёзные разногласия.

Требования к демократии

Демократия – это такой общественный строй, в котором все взрослые граждане имеют право принимать участие в принятии политических решений: поднимать вопросы, создавать общественное мнение, привлекать сторонников, принимать участие в выборах в органы власти. Другими словами, "демократия" – это определённая форма принятия важных для общества решений. Здесь нужно отметить, что речь идет о коллективных решениях, основанных на равных индивидуальных правах всех граждан.

Для того, чтобы можно было утверждать, что общество является демократическим, необходимо выполнение определённых государственно-правовых условий:

- Всеобщее и равное право голоса и наличие свободных (и правильно проведённых) выборов
- Свобода взглядов (в том числе и религиозных)
- Свобода слова и печати
- Право на создание и участие в политических и профсоюзных организациях
- Право на создание политических партий и право быть избранными.

Если одно или несколько из вышеперечисленных условий не соблюдаются, то о демократии говорить нельзя.

Но достаточно ли этого?

Можно утверждать, что эти критерии необходимы и достаточны, чтобы можно было говорить о демократии в политическом и конституционном понимании, но их недостаточно, чтобы гарантировать наличие действующей демократии. Нетрудно увидеть, что на практике экономические и/или социальные факторы могут выхолостить формальные демократические права.

Нестабильный рынок труда, где многие испытывают постоянную тревогу о своей работе, может привести к тому, что общественные дебаты прекратятся, и многие не осмелятся критиковать дальше положение дел. Недостаток образования или неумение выступать могут привести к тому, что некоторой части населения трудно будет следить за ходом таких политических дебатов, вникнуть в смысл дискутируемых проблем, отстаивать свои интересы перед теми, кто имеет более высокий уровень образования и имеет больший навык выступлений.

Социал-демократия считает поэтому, что по-настоящему действующая демократия предполагает равенство. Большой экономический и социальный разрыв в обществе подрывает демократию, если не формально, то на деле, т. к. граждане не участвуют в политическом процессе на равных условиях – у некоторых групп будет всегда больше возможностей требовать от общества того, что требуется именно им. Если широкие слои населения почувствуют, что демократические процессы никак не учитывают их интересы, их вера в демократию может поколебаться, а вместе с этим появляются условия для развития недемократических движений.

Защита демократии, без сомнения, требует, чтобы неукоснительно соблюдались такие её внешние предпосылки, как свобода слова и печати, а также регулярно проводимые выборы в органы власти. Но это требует и политики, которая бы сделала демократию живым понятием для всех слоев общества.

Жизнеспособность демократии

Защита демократии предполагает также обеспечение её жизнеспособности. Смысл свободного создания общественного мнения и свободных всеобщих выборов заключается в том, чтобы принимать политические решения, необходимые большинству граждан этого общества. Речь идёт о том, как решать общие для всего общества задачи, т. е. мы говорим о решениях, которые должны стать практической реальностью. А иначе и создание общественного мнения, и организация выборов теряют смысл, если не ведут к решениям, способным изменить действительность.

В этой перспективе сегодняшняя угроза демократии исходит не от политических тоталитарных движений, а от глобальных

финансовых интересов, которые на протяжении 1990-х годов становились всё сильнее. Угроза эта имеет двойственный характер: финансовые клики, на которые граждане страны не могут оказать влияния, всё больше оказывают влияние на решение вопросов, важных для общества. С другой стороны, следствием этого будет еще больший разрыв между положением бедных и богатых слоев общества, что само по себе уже является угрозой демократии и стабильности общества.

Как отвоевать почву у глобальных финансовых интересов в пользу политических органов, основанных на демократии – вот решающий демократический вопрос сегодняшнего дня.

Но даже при наличии стабильной почвы для демократии остается вопрос сферы воздействия демократии. Какие решения полномочны принимать демократически выбранные политические органы? Во что демократия не имеет права вмешиваться?

Правые партии, которые когда-то оказывали сопротивление введению демократии, сегодня являются горячими поборниками демократических образований. Но в то же время складывается впечатление, что они стремятся к тому, чтобы демократически выбранные органы имели минимальные возможности для влияния: было бы желательно, чтобы решения принимались рынком, гражданским обществом, семьей и т. д. Подчас невольно возникает вопрос: а не сменило ли просто обличье отношение правящего класса к демократии? Они признают формы, а содержание при этом пытаются выхолостить. И вроде как бы совершенно случайно – так уж получается – что в результате всех рекомендаций самые большие привилегии получают социально защищенные и обеспеченные слои, которые и до победы демократии обладали властью над обществом.

Не всё является политикой. И тот факт, что требование национализации было снято с повестки дня социал-демократами, выражает понимание того, что не всем могут руководить политические органы, что мы дальше будем обсуждать в разделе, посвященном экономической демократии.

Кроме того, мы хотели бы предостеречь против дебатов, которые, как правило, носят название "Что имеет право делать государство". Сам выбор слова "государство" в этом контексте допускает ошибочное толкование. Здесь "государство" звучит как власть, верховенство. Возникает впечатление, что речь идет об органах власти. Но замените слово "государство" на слово "демократия" и

тогда становится понятным, что вопрос касается вовсе не того, что власти должны сделать для народа, а что граждане считают важным сделать для себя совместными усилиями.

Демократия никогда не должна принимать решения, ограничивающе права и свободы граждан. Только сами граждане могут решить, что бы они хотели, чтобы "государство" для них сделало. Нельзя ввести предписания, которые бы отняли у граждан это право – это часть дебатов о сокращении сферы влияния демократии.

Дебаты эти носят несколько двойственный характер. С одной стороны утверждается, что народ достаточно грамотен и компетентен для того, чтобы решать свои вопросы, не вмешивая сюда "государство". А с другой стороны предполагается, что тот же самый грамотный и компетентный народ принимает безответственные и плохие решения тогда, когда в качестве избирателей голосуют за них совместно. Здесь проскальзывает такое же презрение к избирателям, как и в аргументах начала XIX в. относительно всеобщего избирательного права.

Социал-демократия предполагает сейчас, как и тогда, что граждане достаточно компетентны, чтобы совместно принимать умные решения. В том числе и в вопросе, где проходит граница между ответственностью общества, а где индивида. Кто еще помимо коллектива граждан может провести эту границу?

Как мы уже упоминали в предисловии, демократия – процесс коллективный, граждане сами решают свои общие задачи. И поскольку целый ряд этих задач является общим, они должны решаться так, чтобы все – во избежание несправедливости или хаоса – могли принимать в этом участие. Каждый из нас индивидуально не может построить свою собственную сточную систему. Рынок не может дать всем желающим образование на равных условиях. Для каждой семьи решение вопроса о помощи престарелым стало бы непосильной задачей, также как судебно-правовые вопросы не должны решаться представителями граждан.

Очень многое в жизни отдельного гражданина определяется тем, как выглядит то общество, в котором он живёт. Именно поэтому вопрос о демократических процессах, вопрос о форме принятия коллективных решений нельзя обойти, ссылаясь на индивидуализм или ответственность каждого. И поэтому демократия – или если вам угодно – политика, должны иметь зону действия для принятия решений, способных повлиять на то, как будет выглядеть общество.

Противоречия в демократии

Сам факт, что целью демократических решений является создание таких общественных отношений, которые бы были благоприятны для развития каждого члена общества и роста его благосостояния, не означает, что следует принимать во внимание все пожелания граждан. Политический процесс в том и заключается, чтобы совместно найти оптимальные решения для большинства граждан страны с учётом всех внешних обстоятельств, таких, например, как экономические ресурсы. Демократия – это не право поступать так, как хочется. Демократия – это право участвовать и оказывать влияние, но не диктовать решения по своему разумению. Демократия, наоборот, предполагает уважение к принятым решениям даже тогда, когда они вступают в противоречие с собственными желаниями.

Здесь существует неизбежное для демократии противоречие. Цель – свобода и благополучие каждого гражданина. А средством – именно в силу социальной природы человека, для достижения собственного благополучия зависящего от других – является коллективное взаимодействие. Это, безусловно, может быть воспринято, как вмешательство/ограничение.

Здесь необходимо помнить, что альтернативой демократическим процессам является счастливо нерегулируемое гражданское общество, где каждый сможет действовать в соответствии со своими желаниями, а общество, в котором все будут находиться в противоборстве со всеми за достижение собственного благополучия и где более сильные просто напросто вышибут более слабых. Противоречие, заложенное в демократии одновременно является и рычагом, создающим динамику и жизнеспособность демократии: создаются такие условия, при которых все смогут участвовать, и где общественный порядок не основан на подчинении одних другими по определению.

Демократия – это права, но это еще и ответственность, ответственность за то, чтобы, участвуя в демократическом процессе, делать его по-настоящему живым. Социал-демократы не согласны со сравнением демократии с рынком, где избиратель ходит по рядам, где на прилавках разложены разные политические взгляды и обещания новых реформ, и пробует на вкус, что ему или ей больше подходит.

Но кто же будет отбирать предлагаемый товар - те альтернативы, что предлагает рынок???

Если уж пользоваться сравнениями, то демократия – не рынок, а скорее всего строительная площадка, на которой мы сперва совместно обсуждаем проект и эскизы, а затем все участвуем в строительстве и следим за тем, чтобы стройматериал наиболее рационально использовался!

Инструменты анализа

Марксизм

Идеология складывается не только из ценностей, но и из инструментов анализа общества, чтобы с их помощью получить представление о том, какие механизмы нужно изменить, чтобы приблизиться к идеалу.

В анализе общества с социалистических позиций центральное место занимает Карл Маркс (1818-1883) и его теории – важнейшие из которых были сформулированы совместно с Фридрихом Энгельсом (1820-1895).

Марксизм как понятие зачастую неверно трактуется, и прежде, чем мы перейдем к роли марксистского анализа в идейном развитии шведской социал-демократии, мы бы хотели обсудить само это понятие.

Марксизм, если под этим понимать общественные теории Маркса, – не политическая идеология и не политическая программа действий. К. Маркс создал историко-философскую теорию развития, и, имея отправной точкой экономическую и социальную историю Европы, сделал целый ряд выводов, касающихся направления дальнейшего развития. В "Коммунистическом манифесте" он поясняет: "Вся история – это история классовой борьбы", где под классовой борьбой понимается экономическая борьба, борьба за власть над средствами производства и распределением результатов производства.

В качестве конечного исторического пункта Марксу виделось социалистическое общество, т. е. такое общество, где борьба за средства производства прекращалась. Этот конечный пункт для

Маркса являлся следствием технических изменений в самих производительных силах, которые создавали достаточно большие ресурсы для всеобщего благоденствия. Благодаря этому классовая борьба становилась излишней. Вот почему, по Марксу, капитализм являлся необходимой и последней, конечной стадией перед прорывом в социализм. Лишь при капитализме освобождались силы, которые были бы способны создать достаточный для всего общества объем конечного продукта. Но присущая капитализму неспособность обращаться с этими силами и справедливо распределять результаты труда должна была неизбежно привести к хаосу и краху. После этого должна была произойти пролетарская революция, в результате которой должно было образоваться бесклассовое общество.

Иными словами, социалистическое общество представлялось как неизбежное следствие хода истории, а не какого-то организованного политического акта. В сущности, марксистские теории исключают политику как средство воздействия на общество, т. к., в соответствии с ними, развитием управляют экономические и технические процессы, подчиненные некоей закономерности.

Толкования марксизма

Сидеть в ожидании развития — особенно когда речь идёт о долгосрочном развитии — не самая радостная программа политических действий. Особенно неинтересна она в ситуации, когда условия, в которых существуют массы, можно назвать невыносимыми, а требования перемен звучат взрывоопасно громко. В 80-ые годы XIX в. разрабатывается ряд политических стратегий для ускорения процесса. Их можно назвать политической надстройкой над научными теориями Маркса.

Как мы уже сказали ранее, социалистические партии разделились на два направления: революционное и реформистское. Партии революционного направления стремились ускорить процесс развития и с помощью политических (насильственных) действий совершить революцию. Они не хотели ждать изменений во взаимоотношении производительных сил, что по Марксу являлось предпосылкой для революции. Партии реформистского толка хотели начать изменять общество к лучшему таким образом, чтобы оно отвечало требованиям социальной справедливости и

равенства, не дожидаясь прихода революции, которая, в соответствии с Марксом, была необходимой предпосылкой для этого. По крайней мере на ранней стадии истории социализма то и дело возникали дебаты о том, учение какого направления было более корректным, что подразумевало, какое же из них являлось наиболее верным Марксу. Такого рода дискуссии бессмысленны, т. к. все партии, принявшие идеи марксизма, сделали свою собственную выборку и дали им свое собственное толкование. Это относится и к коммунизму советского разлива, несмотря на все претензии считаться истинно марксистской партией.

Вера в судьбу

Между тем эта дискуссия о приверженности Марксу имеет особую причину: марксизм притяжал на чисто научное обоснование необходимости социализма, отклонение от марксистской схемы означало создание препятствий на пути развития. Эта детерминистическая черта марксизма: представление о том, что историческому развитию уготовано движение в определенном направлении, к несчастью нанесла большой вред социалистическим идеям. И если уж развитие заранее предопределено, то тогда тем, кто это понял и посему являются представителями "истины", не нужно прислушиваться ни к мнению других, ни к другим оценкам. Эти оценки и мнения по определению ошибочны, а потому неинтересны. Крайней формой выражения этого является преследование за взгляды: все, кто не согласны с тем, что было выбрано в качестве "верной дороги", становятся врагами общества.

Все детерминистические взгляды, или, если хотите, все фундаменталистские идеологии, утверждающие, что есть лишь ОДИН путь по направлению к "хорошему обществу", являются по сути недемократичными. Требование, чтобы все следовали этим путём, подчиняет себе демократическое требование самостоятельного выбора политики в ходе свободных дебатов и свободных выборов. Коммунизм в советской интерпретации, который был основан на тезисе о монополии правящего класса на толкование исторической правды, его антидемократические черты приняли просто разрушительные масштабы и привели к развитию, прямо противоречившему таким социалистическим ценностям, как свобода и равенство.

Попытка Маркса обобщить и объяснить развитие общества на грандиозной модели является типичным детищем XIX в. Вера в то, что развитие общества следовало каким-то закономерностям, которые можно было выявить и научно объяснить, была вполне обычной в то время во многих областях знания. Она (вера) была результатом ряда естественнонаучных открытий, совершенных в течение 18 и 19 веков. Сегодня даже естественные науки не берутся предсказать чисто физическое развитие с помощью законов и прогнозируемых систем. Мы не говорим уже о том, насколько меньше возможности прогнозов у специалистов в области социальных наук.

Что они пытаются сделать, так это установить связь и некоторые вероятности. Можно выявить некоторые механизмы, действующие в экономике и, возможно, в какой-то степени предсказать воздействие этих механизмов. Но в рамках одной экономики и одного общества, где живут и взаимодействуют миллионы людей, где имеется множество постоянно меняющихся потребностей и желаний, где одновременно существуют находящиеся в постоянном движении и то взаимодействующие, то борющиеся друг с другом силы, нельзя никогда с уверенностью предсказать, в каком направлении будет идти развитие. Оно не предопределено заранее, оно зависит от деятельности самих людей.

Теории Маркса являются научным системным построением. Как любые научные теории, они также должны быть научно апробированы, т. е. должны быть проверены в реальных условиях для того, чтобы убедиться в верности их прогнозов. Эта проверка уже давно показала, что марксизм, как и другие системы XIX в., ставящие задачей объяснить и предсказать развитие мира, не выдержал испытания как системное построение. Из разных отдельных теорий, составляющих это построение, имеется много таких, которые не выдержали испытания реальностью. В качестве примера можно привести учение Маркса о стоимости труда, т. е. теорию о том, что стоимость товара находится в прямой зависимости от количества часов, затраченных на его изготовление. Своеобразный вывод вытекает из этой теории: неэффективная организация труда создает более дорогие продукты, чем эффективная, т. к. изготовление каждой единицы продукта требует значительно больших временных затрат.

Некоторые другие теории Маркса, однако, используются в качестве ценных инструментов для получения знаний о

действительности, сегодня они являются частью общепринятых наук об обществе. Можно сказать, что Маркса постигла судьба двух других теоретиков экономики и политики XVIII и XIX вв. — Адама Смита (Adam Smith) и Джона Стюарта Милля¹ (John Stuart Mill). Часть их учений не выдержала испытания временем, а другие безнадежно устарели. Но опять же есть и такие, которые продолжают оставаться важными инструментами экономического и социального анализа.

В этой работе мы хотим обратиться к двум центральным понятиям теоретической системы Карла Маркса, сыгравшим роль в идейном развитии социал-демократического и общесоциалистического движения, которые, в несколько более развитой форме, и сейчас остаются важными инструментами анализа. Речь пойдет о материалистическом взгляде на историю и теорию о классовой борьбе.

Нам хотелось бы еще раз подчеркнуть, что мы смотрим на эти теории как на инструменты для исследования общества, а не как на набор готовых ответов на политические вызовы сегодняшнего дня.

Материалистический взгляд на историю

В соответствии со старыми шведскими учебниками истории Густав II Адольф вступил в 30-летнюю войну для того, чтобы защитить братьев по протестантской вере в их борьбе против угрозы католицизма. В соответствии с более современными взглядами, шведское участие в этой войне являлось одним из шагов в старой экспансионистской политике Швеции, которая ранее привела к войнам против стран Балтии и Польши, и где четко усматривались экономические мотивы.

Эти два разных способа описать одно и то же событие показывают различие идеалистического и материалистического взглядов на историю. Согласно идеалистическому взгляду на историю, движущей силой развития являются идеи. Согласно же материалистическому взгляду, речь идет об экономических потребностях, технических изменениях и пр.

¹ Милль Джон Стюарт (1806-1873), английский философ и экономист. Идеолог либерализма. Основатель английского позитивизма, последователь О. Конта. В сочинении "Основания политической экономии" (т. 1-2, 1848) объединял положения классической политэкономии со взглядами Ж. Б. Сея и Т. Мальтуса (прим. пер.).

В основу марксистского взгляда на историю положена идея, что производственные отношения являются определяющими и для социальной организации "общественной надстройки". В старом аграрном и в новом индустриальном обществе отличались не только характер и условия труда, но и политическая организация, образ жизни и мышления.

"Производительные формы материальной жизни определяют социальные, политические и духовные процессы вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их социальное бытие определяет их сознание", – пишет Маркс в своей работе "Критика политической экономии". Иными словами, Маркс считает, что форму общества определяют не идеи, а условия жизни, продиктованные развитием техники и экономики, которые и определяют сами идеи.

Иллюстрацией этого служит изменение взгляда на ссудный процент. В начале средних веков взимание ссудного процента за ссуду любого характера считалось преступлением. При существовавшем в то время техническом уровне не имелось торговых или коммерческих предприятий, требовавших прекрасно действующего финансового рынка. Когда техническое развитие позволило создать более крупномасштабные проекты, стала расти потребность в заемных средствах; а уже за то, чтобы получать ссуды под такие проекты, связанные с большим риском, нужно было хорошо заплатить.

Так исчезло моральное отвращение к ссудному проценту...

При изменении условий производства, связанных с развитием техники, изменением характера торговли и т. д. должна меняться и политико-социальная организация жизни.

Когда в Швеции начался стремительный рост индустриального общества, то невозможным стало сохранять старый сословный риксдаг [парламент], и его сменил двухпалатный риксдаг. По мере того как промышленность, а с нею и рабочие, занятые в промышленности, набирали силу, стало невозможным их дальше исключать из избирательного процесса. "С изменением экономического базиса вся огромная надстройка начинает претерпевать стремительные перемены" – еще одна цитата из "Критики политической экономии".

Следствием представления о том, что именно экономические силы предопределяют "надстройку" является то, что многие политические идеи и социальные ценности происходят из

экономических условий: "процентная ставка никогда не лжет". За либеральными идеологиями о свободе, появившимися в XVIII в., легко прослеживается потребность быстро растущих классов торговцев и фабрикантов отнять привилегии у стареющего класса помещиков. Привилегии, мешавшие дальнейшему росту торговли и промышленности. За растущими требованиями свободы и равенства точно также можно проследить желание угнетенного класса трудящихся ограничить привилегии торговцев и фабрикантов.

Это, естественно, ни в коей степени не преуменьшает значение идей о свободе и равенстве, или роль тех, кто зачастую сражался за них ценой большого риска; мы не можем отрицать, что отдельные личности в своих действиях часто движимы идеями идеализма, независимо от того, как мы относимся к движущим силам "истории". Но это объясняет, почему группы с разными политическими интересами могут трактовать такие слова как "свобода" очень по-разному и делать акцент на самых разных частях понятия "свобода". Еще раз возникает вопрос: "Свобода для кого? И для чего?".

Это объясняет также, почему социалистические модели мышления так сильно интересуются именно экономикой и организацией экономики: очень легко усмотреть связь между тем, как организованы экономика и условия труда и возможностью реализации в обществе основных ценностей. Таких, например, как демократия и свобода. Истинная демократия, основанная на идее, что все граждане имеют равное право на участие в политических процессах, будет невозможна, если на производстве работники будут делиться на "важных" и "не важных".

На таких, кто обладает властью и кто ею не обладает, на тех, кто может распоряжаться другими в то время, как другие не имеют возможности рас-порядиться даже самими собой. Отношения, которые складываются в процессе производства, распространяются затем и на политическую жизнь. Хотим мы иметь политическую демократию в обществе полновластных граждан, то и в производстве должны участвовать полновластные работники, а не исполнители чужих приказов, лишённые права на собственное мнение.

Имея такую отправную точку, политическая демократия предполагает, что правила экономической игры составлены не только для получения прибыли владельцами капитала без учета того, во что обходится другим эта прибыль. Правила игры должны

учитывать потребности и интересы трудящихся масс: безопасные для здоровья условия труда, право оказывать влияние на своем рабочем месте, защиту от произвола вышестоящих лиц, возможность профессионального роста и совершенствования. Иными словами, хотим мы иметь "социальную надстройку", основанную на свободе и демократии, то мы должны создать экономический базис, производственные условия в соответствии с этими идеалами. А иначе идеалы всегда будут оставаться утопиями.

Как мы уже указывали ранее, это вовсе не означает для шведской социал-демократии, что нужно запретить частное владение предприятиями или что необходимо пренебречь элементарными экономическими требованиями, что доходная часть должна равняться расходной. Но это означает, что сами граждане совместно, действуя с помощью выборных органов [самоуправления], должны иметь возможность устанавливать социальные условия ("правила игры") для коммерческой деятельности. Это также означает, что наёмные работники на своих предприятиях и через свои профсоюзы также должны иметь возможность влиять на уровень оплаты труда, условия найма и организацию своей каждодневной работы.

Роль идей

Для чистого исторического материалиста идеи, идеология не имеют значения для развития общества. Социал-демократия не имеет такого схематического взгляда на это. Безусловно, нельзя рассматривать идеи и идеалы лишь как механические инструменты для экономических интересов. Такие идеи, как свобода и равенство, справедливость и милосердие, существовали во все времена и независимо от того, какими были техническое оснащение производства и экономика. И они, безусловно, оказали своё воздействие на то, что можно назвать социальным аспектом: люди во все времена помогали старикам и больным, и в каждом обществе в той или иной форме имелись предписания о том, каким образом оказывать помощь тем, у кого не было близких. В этом смысле идеи и идеалы всегда оказывали самостоятельное влияние на формирование общества.

В то же время мы видим, что прорыв определённых политических идей не происходил до тех пор, пока не появлялись необходимые экономические средства для этого, или, если хотите, пока

производительные силы не создавали для него необходимые предпосылки. Крестьянские бунты средних веков против засилья аристократов-помещиков потерпели поражение. А вот нападки на тех же землевладельцев, торговцев и промышленников оказались успешными, поскольку последние явились представителями более современного, более эффективного способа производства, чем старый помещичий земельный уклад. Здесь легко усматривается связь между экономическими изменениями и новым общественным идеалом.

Классовая борьба

Согласно Марксу, движущей силой истории является борьба за сред-ства производства и распределение результатов производства; "вся история – это история классовой борьбы". Здесь "класс" обозначает принадлежность к экономической группе, обусловленной отношением к средствам производства. Разделительная классовая линия проходит между теми, кто владеет такими средствами производства как земля, деньги, машины и теми, кто владеет лишь своей рабочей силой.

Владельцы средств производства, которые на определенной стадии технического развития становятся наиболее важными, получают власть над обществом. Против этого начинают бунтовать те, кто не имеет власти. В соответствии с теорией Маркса не произойдет никаких серьёзных изменений до тех пор, пока не изменится технология производства, которая выведет на первое место новые доминирующие факторы. И тогда та группа – тот класс, который будет контролировать эти новые факторы, получит и власть.

"Класс", таким образом, не то же самое, что социальная группа. Определение класса, основанное на собственности, не было вполне однозначным и во времена Маркса. Марксу пришлось ввести понятие "социальная прослойка" для целого ряда экономических групп, которые не подпадали ни под определение капиталистов-собственников, ни ничем не владевших пролетариев. В сегодняшних более сложных экономических условиях дать определение класса становится ещё труднее. Высокооплачиваемые специалисты в частном секторе, являющиеся наёмными работниками, в соответствии с определением по отношению к

собственности являются рабочими, а вот владелец пиццерии, имеющий наёмного работника, работающего на полставки, является, по тому же определению, капиталистом.

XX в. также продемонстрировал, что отношение к средствам производства, т. е. класс, является не единственным "разделителем" в обществе. Гендерный признак на протяжении истории также являлся "разделительной" переменной и играл не менее важную роль в иерархической системе подчинения, чем класс. Религиозная или национальная принадлежность могут также в большей или меньшей степени служить в качестве разделителей.

Помимо этого, на структуру власти свое влияние оказали политическая демократия и профсоюзная организация; отношение к собственности уже так не "расслаивает" общество, как в XIX в.

Всё это означает, что недостаточно одного понятия "класс", чтобы объяснить, почему в современном обществе имеются такие большие расслоения, а также почему с ними нельзя справиться с помощью изменений лишь в производственной сфере. Но понятие класса удобно как инструмент анализа, если пользоваться им как разграничением между руководителями и подчиненными на производстве и в экономике.

Разделительная линия не обязательно должна распространяться на всё: как акционеры, так и наёмные работники заинтересованы в том, чтобы именно "их" предприятие было крепким и эффективным, поскольку это является залогом надёжной работы и получения стабильной прибыли. Но могут иметься решающие отличия между упомянутыми группами в вопросе о том, как добиться этой эффективности. Увеличение выпуска продукции за счёт интенсификации труда работников может быть привлекательным для акционеров – выполняется больший объем работы за ту же заработную плату. Цена же для работников в виде стресса и возможно более высокого риска производственных травм может оказаться слишком высокой.

Для налогоплательщиков расходы по устранению последствий резко увеличившейся травматизации работников могут значительно превзойти те доходы, которые такой ценой получены.

Постоянно повторяющиеся трудовые споры между партнерами на рынке труда также могут быть объяснены с позиции власти или, почему бы не сказать, с классовой позиции? Имеет ли право работодатель принять единолично решение об увольнении наёмного работника, и что, в таком случае, может быть причиной увольнения?

Или должно увольнение следовать определенной процедуре и лишь после проведения переговоров с руководством профсоюза? Дискуссия часто ведется в ключе целесообразности с точки зрения экономики предприятия, но на самом же деле речь здесь идет о том, кому должна принадлежать власть над трудом. Должны работники иметь возможность влиять на условия своего труда и не бояться высказывать критику в адрес работодателя, не рискуя потерять работу, или же быть механическими "производственными факторами", которые можно пригласить, а можно и отправить домой, в зависимости от односторонней оценки самого работодателя?

Понятие "класс" учит нас всегда задавать вопрос: "А в чьих интересах?" Как определённые меры отражаются на разных группах общества? Какой тип подчинения-господства создаётся при помощи определённой политической линии действий?

Эти вопросы необходимо, безусловно, задавать даже тогда, когда речь идёт о других различительных факторах, таких как пол или национальная принадлежность.

Во времена перемен, как то время, в котором мы живём, очень важно задавать такие вопросы. Многие испытанные рецепты уже не оказывают действия. Поэтому важно не просто принимать новые рецепты на веру только потому, что они новые, а оценивать каждый раз, кому они выгодны, а кому во вред. А также оценивать, что же необходимо сделать для того, чтобы неизбежные перемены в производственной сфере не создавали новых классовых различий, новое деление на тех, кто имеет власть над своим трудовым процессом, и на тех, кто этой власти не имеет.

Используя концепцию класса, можно увидеть, что есть опасность именно такого развития. В обществе высоких технологий, которое приходит на смену индустриальному обществу, всё более важную роль играют знания. Используя марксистскую терминологию, можно сказать, что знание становится центральным фактором производства: тот, кто им владеет, имеет и власть, а тот, кому знаний недостаёт, неизбежно оказывается в подчинении. Вполне естественной является стратегия социал-демократов – сделать этот производственный фактор достоянием как можно большего числа людей. А мотивировка здесь и экономическая и идеологическая: высокий и равный уровень образования рабочей силы является предпосылкой того, что Швеция и в дальнейшем будет экономически сильна и сможет сохранить свои социальные

завоевания. Более того: равномерное распространение капитала знаний является также предпосылкой для равенства среди граждан.

Практическая политика

Идейное наследие социал-демократии составляют не только старые классические идеалы свобода и равенство, а также такие классические инструменты анализа, как материалистический взгляд на историю. Сюда входит и почти столетняя история Социал-демократической рабочей партии Швеции: мысли, сформированные в процессе выдвижения практических политических требований, а также тот опыт и выводы, которые были накоплены.

Несколько ниже мы обсудим развитие социал-демократии в некоторых особых сферах политики. Здесь же мы хотели бы рассмотреть вопрос о взаимодействии идеологии и практической политики. Взаимосвязь эта не может не существовать, т. к. никогда нельзя заранее, теоретически и в деталях придумать, как будет происходить развитие общества, как нельзя сказать, какой общественный порядок можно считать хорошим. Политика должна постоянно нащупывать путь вперёд, в качестве путеводной звезды здесь выступает идеология, а в качестве отправного момента должен служить практический опыт, который позволит определить, какие решения возможны и приемлемы.

Идеи относительно того, каким должно быть общество, безусловно, являются исходным пунктом политики – это те цели, которые должны быть достигнуты. Из этого не следует, что можно немедленно осуществить все задуманное. Или же, что все отличия между идеалом и сегодняшней реальностью должны считаться отклонением от идеала.

Вся политика должна исходить из реально существующих предпосылок, в особенности это касается экономических условий. Мы не можем сегодня осуществлять реформы на средства, которых у нас нет и которые у нас появятся лишь через 20 лет. Недостаточно иметь хорошую цель, если отсутствуют необходимые условия. Мы также не можем не учитывать те ограничения для политики, которые продиктованы экологическими обстоятельствами, международной конъюнктурой или конкурентной способностью промышленности. Мы, конечно же, имеем возможность в каждом случае выбирать, что делать с подобными ограничениями, но мы не

можем их игнорировать только потому, что нам не нравятся требования, которые они предъявляют политике.

В качестве примера можно привести бюджетный дефицит 1990-х гг. Можно выбирать между различными сочетаниями повышения налогов и сокращения расходов, чтобы сократить бюджетный дефицит. Можно также по разному распределить насколько повысить налоги и насколько сократить бюджетные расходы. Но нельзя просто проигнорировать дефицит, это лишь приведёт к новым экономическим проблемам, которые в конечном счёте создадут ещё большую напряженность, нежели сама работа по санации бюджета.

Это можно представить как вывод из материалистического понимания истории: внешние материальные предпосылки создают рамки для политически возможного. В качестве министра по социальным вопросам Густав Мёллер (Gustav Moller) начал в 1940-50-ые гг. большую работу по реформированию. Никто и никогда не подвергал сомнению его искреннее участие в судьбе бедных и обездоленных, основанное на собственном опыте. Но именно Густав Мёллер в своем законопроекте от 1947 г. указывал, что социальные реформы должны происходить в темпе, заданном развитием экономики.

Задачей политики, безусловно, является изменение внешних предпосылок с тем, чтобы создать еще большие возможности для реализации собственных ценностей. Но это, как правило, работа, рассчитанная на долгий срок, и никогда авансом нельзя получить прибыль. Нельзя въехать в дом, в котором еще не возведены стены и потолок. Для того, чтобы приступить к строительным работам, необходимо тщательно подготовить фундамент, а это само по себе тяжёлая и кропотливая работа. Борьба, начатая в 90-х гг. XIX в. за всеобщее избирательное право и 8-часовой рабочий день, увенчалась успехом спустя более, чем 20 лет. Работа, начатая в 1990-ые гг. по санации государственной системы Швеции, явилась совершенно необходимой для того, чтобы обеспечить социальное благополучие в будущем, но на начальном временном отрезке она неизбежно требовала жертв. Большие вложения в систему образования, сделанные в 1990-ые гг. также принесут свои плоды в будущем в виде более высоких гарантий получения работы и социальных гарантий, но в ближайшие год-два результатов ждать не приходится.

Политика – это вопрос воли: воли перемен, воли осуществления

мечты и идеалов. Но политика – это уж точно не оригинальный жанр! Сегодняшняя политика никогда не сможет добиться более того, что позволяют внешние обстоятельства. Бывают ситуации, когда эти обстоятельства весьма ограничены. В более длительной перспективе политика может изменить эти предпосылки, но необходимо понимание того, что для перемен требуются время и усилия.

Еще один важный вывод заключается в том, что не следует путать средства и цели. Это ошибка, которую совершают и правые и левые. Сторонники коммунистических идей ставили знак равенства между полностью подчиненной государству экономикой и обществом свободы и равенства; результатом являлась несвобода и неравенство. Сторонники буржуазных идей ставят точно также знак равенства между частным предпринимательством и экономической эффективностью и не видят того, что сегодняшние спекулятивные потоки частного капитала являются угрозой эффективности и стабильности для всей мировой экономики.

Мы полагаем, что политические действия, также как политические стратегии, необходимо постоянно оценивать с позиций достигнутого: направляют ли они развитие в сторону поставленной цели или совсем в другую. Если происходит последнее, то очевидно, что необходимо менять средства. Точно также необходимо пересматривать принятые обязательства: выполняют ли они по-прежнему ту функцию, что и раньше, или перемены в обществе привели к тому, что они либо перестали быть эффективными, либо потеряли свою актуальность.

Третий вывод заключается в том, что общество никогда не будет "готово". У многих социал-демократов есть такое представление, возможно атавистическое, сохранившееся с марксистских времен, что у истории имеется конец. Этакое идеальное общество, где все пребывают в вечной гармонии. Но общество находится в постоянном изменении и развитии, в нём действует множество различных сил, в нём возникают новые проблемы и постоянно вырастают новые поколения с новыми требованиями и новым опытом. Поэтому требования к обществу, экономике, политике тоже всегда будут меняться.

Смешанное идейное наследие

Во вступлении мы написали, что у социал-демократической идеологии много корней; идейное наследие вовсе не однородно. С помощью инструментов анализа можно определить, за что же браться дальше, можно ли реализовать ценности. Но ценности и анализ вовсе не входили первоначально в одну систему мышления. Они сплелись вместе уже много лет спустя в ходе практической политики и теоретических дебатов после того, как первые модели были сформулированы. Идеи свободы, равенства и братства старше марксистских теорий о классовой борьбе и ходе развития общества в направлении социализма. В марксизме отсутствует учение о морали, даже если сам Маркс весьма красноречиво высказывался о социальной несправедливости. Но марксизм, как мы уже сказали, историко-философская теория о развитии общества, и как все научные теории, делает попытку продемонстрировать, что является истинным, а что нет.

В действительности между идеологической утопической традицией, выражаемой такими ценностными терминами, как свобода и равенство, и марксистской традицией "научного социализма" имеется некий конфликт. Маркс имел привычку довольно презрительно отзываться о т. н. социалистах-утопистах (несмотря на то, что некоторые из них были политиками-практиками) именно потому, что считал, что социальные перемены не могут основываться на идеале, а лишь на том, чего требовала программа исторического развития. Мысль о том, что развитие подчинено законам, и в результате этого политическое действие должно состоять из мер, соответствующих этой программе, многократно оказывалась в конфликте с идеологическими ценностями. Самый ужасающий пример – это советская система, где т. н. верность идеям программы развития "научного социализма" привела к прямому подавлению идеалов свободы, равенства и солидарности. Однако имеется несколько примеров того, как дебаты о "корректных" организационных формах и методологии, становились важнее обсуждения того, а что же собственно предполагают свобода и равенство. Радикальная полемика, которая велась в 60-70-ых гг., отправной точкой которой часто являлось требование свободы, как например, поддержка национально-освободительного движения против колониального засилия, зачастую заканчивалась весьма формалистическими обсуждениями об организационных формах, в результате чего требования свободы

и равенства просто загонялись в угол.

И если социал-демократия отставит в сторону идеи о развитии в соответствии с законами, и вместо этого будет рассматривать развитие как результат воли и действий людей, индивидуальных и коллективных, то тогда идеи, "утопии" приобретут главенствующий характер, станут самым важным фактором, хотя и использующим некоторые специфические инструменты анализа. Вопрос тогда уже заключается не в том, какая организация является наиболее корректной, а как нам лучше работать для достижения своих идеалов и какая политика создает лучшие возможности для долгосрочного развития в том направлении, которое мы себе выбрали.

В этой перспективе старый вопрос о том, должна социал-демократическая партия быть классовой или народной партией, неверно сформулирован, т. к. основывается на представлении, что интересна сама по себе политическая форма. Социал-демократическая партия стремится к идеалам свободы, равенства, солидарности и демократии. И вполне естественно, что в этом стремлении партия всегда будет исходить из потребностей тех, кому больше всех нужна свобода и кто больше других ощущает существующее неравенство. Но общество свободы, равенства, солидарности и демократии никогда не сможет быть ничем другим, как обществом для всех.

Капитализм

Понятие "капитализм" является центральным не только в дебатах о социализме, но и в политико-экономических дебатах в целом. И несмотря на это, определение этого понятия весьма нечётко. Современные словари определяют капитализм очень просто: "тип общества, основанного на частном предпринимательстве и рыночной экономике". Это определение вряд ли может объяснить, почему это понятие имело, да и продолжает иметь такой сильный смысловой заряд. Кроме того, это не совсем та трактовка понятия "капитализм", которую использовало развивающееся рабочее движение. Приверженцы ("агитаторы") классического социализма тоже не тратили зря времени на уточнение этого понятия. Из их статей и выступлений можно лишь сделать вывод, что они вкладывали в слово капитализм несколько иной смысл, чем тот, что мы находим в современных словарях.

Их определение капитализма выглядит приблизительно так: "производственный уклад, при котором получение прибыли собственником капитала стоит выше всех других производственных интересов". В соответствии с этим определением, капитализм становится чуть ли не противоположностью рыночной экономики, т. к. она предполагает равновесие всех интересов, где ни один не является доминирующим.

"Капитализм" на языке агитации молодого рабочего движения обозначал частное предпринимательство, которое, во-первых, основано на капитале, большем, чем собственные орудия производства собственника, а во-вторых, где собственник заинтересован в получении прибыли большей, чем необходимо для его собственных потребностей – т. е. стремится к созданию еще большего капитала.

Именно заинтересованность в получении прибыли считалась

корнем всех зол: жестокой эксплуатации трудящихся, отвратительных условий труда, низкой оплаты, несправедливого распределения общественных средств. Поэтому необходимо было убрать момент заинтересованности в получении прибыли. А это можно было сделать, упразднив частную собственность на факторы производства, являвшиеся основой капитализма: промышленные сооружения, большие личные состояния, машины, природные богатства.

Агитаторы за социалистические идеи XIX в. приводили в качестве доводов критику частной собственности еще более старых времен. В частности, в одном из высказываний философа XVIII в. Жан-Жака Руссо (Jean-Jacques Rousseau) говорится, что начало всей социальной несправедливости положил тот человек, который первым возвел изгородь вокруг земельного участка и объявил его своей собственностью. "Плоды земли принадлежат всем, а сама земля никому не принадлежит", – эта формулировка Руссо предвосхитила будущие высказывания агитаторов за социализм.

Неясно насчёт национализации

Как мы уже указывали, не было единого мнения по поводу того, какая форма должна была заменить частную собственность на средства производства. Имелись приверженцы национализации, приверженцы передачи средств производства в собственность профсоюзам, а также сторонники различных форм кооперативной деятельности/предпринимательства. Интересно, что даже среди либеральных мыслителей имелись критики частной собственности. Так Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill) был очень увлечён идеей рабочих коопераций.

Из ранних дебатов о социализме никак не следовало, как же коллективная собственность на средства производства решит основные экономические проблемы предприятий, например, откуда брать средства для новых инвестиций.

Настоящей теории для социалистической производственной экономики так и не было создано.

А причиной этого было то, что речь в социалистической критике шла не об экономике производства, да и не об экономике вообще, а о власти. О передержках в распределении власти, критиковался порядок, который ставил интересы капиталистов по преумножению

своего капитала выше всех других интересов: общества, экономики, политики и социальной сферы. Именно это неравномерное распределение власти, выгодное для группки собственников, создавало социальную несправедливость, эксплуатацию и отсутствие свободы.

Изменив это соотношение, передав власть ранее угнетаемым, можно было справиться с несправедливостью и эксплуатацией, не упраздняя частную собственность. Социал-демократия сделала такой вывод в 1920-30 гг., этот новый подход был подтверждён на съезде партии в 1932 г., но идеи подобного рода можно проследить в дискуссиях британского Фабианского общества².

Это заодно помогло решить и чисто практические вопросы, которые возникли, когда лозунг "национализации" нужно было перевести в конкретные и действенные меры. Обескураживают те невероятные трудности, которые испытала молодая Республика Советов, когда пыталась наладить промышленное и сельскохозяйственное производства с помощью не самых цивилизованных большевистских способов. Кроме того, у шведских социал-демократов имелся и собственный опыт от работы т. н. Комиссии по национализации. Совершив попытку сконструировать принципиально новую систему, пригодную не только для управления предприятиями, но и для взаимодействия изготовителей и потребителей, не вставая из-за чертежной доски, Комиссия отказалась от этой идеи. Секретарь Комиссии Нильс Карлебю (Nils Karleby) в 1924 г. сказал следующее:

"Что касается новых лозунгов, которые мы пытаемся отстоять, то одно дело их выдвинуть, и совсем другое дело – наполнить их практическим содержанием".

Означает ли это, что социал-демократия принимает капитализм?

Всё зависит от того, что вкладывать в это понятие. Если следовать определению капитализма как частной собственности, то мы отвечаем – "да". Если же исходить из представления агитаторов XIX в., что капитализм – это такая формация, где интересы частных собственников по получению прибыли стоят выше всех остальных интересов, где ни общество, ни наёмные работники не оказывают

². "Фабианское общество" (Fabian Society), организация английской буржуазной интеллигенции. Создана в 1884; пропагандировала идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ (названа по имени римского полководца Фабиана Максима). После создания лейбористской партии (1900) - в ее составе (прим. пер.).

никакого воздействия на работу предприятия, то наш ответ – ”нет”. Право собственности и свободное предпринимательство, которое мы признаем, значительно отличаются от права собственности и предпринимательства, какими их воспринимали рабочие в XIX в. Эта форма частной собственности и сегодня является для нас неприемлемой. Право собственности, которое мы признаём, предусматривает ряд очень важных для общества условий: наличие природоохранного законодательства, трудового законодательства, законов о планировании и строительстве, законов о правах потребителей. Всё это даёт совершенно другие, более справедливые экономические и социальные результаты по сравнению с ничем не ограниченным и не регламентированным законом о частной собственности, действовавшим на текстильных предприятиях г. Норрчёпинг (Швеция) в 1894 г.

Тот факт, что социал-демократия признает право частной собственности на средства производства, тем самым признаёт и получение прибыли, как движущей силы частного предпринимательства. Мы должны осознавать, что получение прибыли с капитала является одним из инструментов, создающих рациональное использование ресурсов. Разумеется, при условии, что интересы капитала будут уравновешены другими интересами, и высокая прибыль не будет результатом низкой оплаты труда или расточительного расходования природных богатств. В советской системе капитал по определению равнялся нулю, в результате чего ресурсы использовались весьма неэффективно. Неэффективное использование ресурсов, в свою очередь, приводило к тому, что работники получали более низкую заработную плату за свой труд, чем та, что им причиталась. Это никак не могло преумножить благосостояние трудящихся.

Повторимся еще раз: тот факт, что социал-демократия признает заинтересованность в получении прибыли, вовсе не означает, что это ставится превыше всех остальных интересов. В этом случае другие факторы производства, такие, например, как человеческие ресурсы или окружающая среда, могли бы неправильно использоваться. Заинтересованность в получении прибыли должна быть уравновешена другими интересами: действенной политической демократией, сильными профсоюзными организациями, организациями потребителей, опирающимися на сильное законодательство.

Кроме того, социал-демократия вовсе не считает, что получение

прибыли является хорошей движущей силой для всех видов деятельности. Это касается правовой системы. Это, как правило, не самый лучший инструмент в тех сферах, где блага не должны распределяться с помощью ценового механизма, например в сфере образования и здравоохранения. Социал-демократия полагает также, что помимо частных предприятий, должны также иметься и другие формы собственности: производственные или потребительские кооперативы. Для развития и динамики рынка важно наличие различных участников, имеющих разные побудительные мотивы и ставящих перед собой разные задачи!

Это основополагающая точка зрения социал-демократов: нет единых моделей, подходящих всюду и для всех видов деятельности. Некоторые решения подходят для решения одних задач, другие задачи требуют других решений. Характер самой задачи и конечная цель деятельности должны определять, какой же метод использовать для получения наилучшего результата.

Безусловно, в такой смешанной экономической системе есть и свои недостатки. Всегда существует риск, что изменится соотношение сил в системе, и те позиции, что были завоёваны рабочим движением, будут утрачены. Однако в состоянии постоянной динамики, рождаемой развитием общества, нельзя никогда уберечься от подобного изменения в соотношении сил. Нет решений, стопроцентно гарантирующих отсутствие проблем. Во всех более или менее значимых учениях XIX в. как либерального, так и социалистического толка, мы встречаем своеобразную философию гармонии: история рано или поздно имеет свой конец, и наступает мирное равновесие на все времена. Но история никогда не закончится. Общество никогда не будет полностью завершённым или совершенным.

Поэтому нельзя всерьёз принимать возражения, что определённая модель имеет недостатки и становится предметом нападков, это касается всех систем. Мы можем лишь констатировать, что социал-демократическая модель дала лучшие результаты, чем более ортодоксальная ”социалистическая” и более ортодоксальная ”капиталистическая” системы. Поэтому есть смысл этой модели придерживаться.

”Долой капитализм”

А пока давайте рассмотрим лозунг ”Долой капитализм” в смысле ”Долой частное предпринимательство”, т. к. он сыграл большую роль в социалистических дебатах и до сих пор время от времени всплывает на поверхность.

И первым возникает вопрос: ”А как?”

В условиях сегодняшней глобализации экономики явно недостаточно отменить свободное предпринимательство в Швеции. Нам все равно придется подчиняться правилам международной экономики. Чтобы на самом деле ”покончить с капитализмом”, необходимы действия в глобальном масштабе. Не затрачивая больших усилий, мы можем констатировать, что в обозримом будущем для этого нет никаких предпосылок.

Даже те, кто надеются на то, что с капитализмом удастся покончить когда-нибудь в необозримом будущем, встают перед вопросом, а что же нам делать в течение долгих десятилетий пока он все еще есть. И тут мы не находим никаких других ответов помимо тех, что дает социал-демократия: создать такие противовесы заинтересованности в получении прибыли, чтобы они стали действующим механизмом вместо диктаторского режима.

Если кто-то может себе представить общество без свободного предпринимательства, возникает следующий вопрос: ”А что же взамен?”

Вариант модели, где доминирует государственная собственность, и осуществляется директивное центральное планирование, по очевидным соображениям мы отвергаем сразу. Он не отвечает ни демократическим требованиям, ни требованиям высоких темпов роста.

Остается тогда некая форма децентрализованной коллективной собственности, возможно кооперативные или муниципальные предприятия. Поскольку мы уже отвергли вариант с директивным централизованным планированием экономики, то эти предприятия нельзя включить в некий контролируемый государством производственный план. Они должны иметь возможность сами решать свои производственные и инвестиционные задачи. Иными словами: они должны работать в рыночных условиях, ориентироваться на потребителей. Они должны иметь возможность распоряжаться своим капиталом, делать новые инвестиции, если намерены развиваться дальше, а это, в свою очередь, стимулирует их к преумножению собственного капитала.

В чём же тогда разница между этими предприятиями и теми, что находятся в частной собственности? Разве на предприятиях с частной формой собственности не действуют приблизительно такие же побудительные механизмы – выжить в рыночных условиях – как на предприятиях с коллективной формой собственности?

Бывшая республика Югославия использовала собственную модель: коллективную собственность на средства производства на предприятиях, которыми управляли наёмные работники. Их опыт показывает, что у подобного типа предприятий возникает такой же тип конфликта интересов предприятия и общества, как и на предприятиях с частной формой владения.

Независимо от формы собственности, у людей имеются различные экономические интересы, в зависимости от их исходных позиций. И конфликтов здесь нам не избежать. Да этого, очевидно, и не нужно делать. Именно этот конфликт интересов создает динамику, которая является двигателем развития. Самое главное здесь – не допустить, чтобы этот конфликт привёл к эксплуатации одной группы другой.

И опять мы приходим к выводу социал-демократов: здесь речь идет о власти, а не о том, кто является владельцем собственности. Важно правильно распределить и сбалансировать власть, а не право собственности.

Если нам удастся осуществить такое распределение власти, то у частного предпринимательства будут явные преимущества в условиях рыночного производства товаров, где действуют ценовые механизмы. Такие преимущества трудно создать в варианте коллективной собственности, например тогда, когда речь идет о создании новых предприятий.

Рыночная экономика

В течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны две системы – демократические страны Запада и тоталитарные режимы Восточной Европы – находились в состоянии политической и экономической конфронтации; период этот получил название ”холодной войны”, хотя в нем и наблюдались некоторые перепады градусов холода. Падение в 1989 г. Берлинской стены, а вместе с ней и всего восточноевропейского реального социализма, ознаменовало победу демократии и рыночной экономики.

Но что же такое рыночная экономика?

Рынок – это место, куда приходит и приезжает независимые торговцы со своим товаром, чтобы показать их независимым покупателям. Если покупатель находит то, что ищет за ту цену, которую он находит приемлемой, то происходит сделка. Если же цены окажутся выше тех, что потребители готовы заплатить, то товар останется нерезализованным. Если же цена, наоборот, окажется слишком низкой, то торговцы не станут торговать.

Рыночная экономика в качестве экономической модели представляет из себя систему, где предложение товаров определяется механизмом цен: предложение определяется точкой пересечения между ценой, которую потребители готовы заплатить, и ценой, которую производители считают выгодной для себя.

Эта модель предполагает свободный доступ на рынок, т. е. те, кто производят товар и хотят его продать, имеют возможность это сделать, а те, кто имеют средства на его приобретение должны иметь возможность сделать свой выбор. Эта ”свободная торговля” дает возможность эффективного использования ресурсов, как того требует успешная экономика, и то многообразие, которого требует благосостояние и свобода выбора. Главными экономическими и идеологическими аргументами в пользу рыночной экономики

являются эффективность, благосостояние и свобода выбора.

Рыночная экономика предусматривает наличие свободного предпринимательства, т. е. возможности для всех, кто только на это решится, создать предприятие, производящее товар, на который имеется спрос. В политических дебатах термин "рыночная экономика" используется как синоним "частного предпринимательства".

Любое вмешательство в дела частных предпринимателей, в получение ими прибыли равносильны для них и их идеологических представителей действиям против рыночной экономики – и против демократии.

Частное предпринимательство является одной из предпосылок рыночной экономики, но это не означает, что любая деятельность, основанная на частном предпринимательстве, относится к рыночной экономике. По крайней мере, если следовать определению этого понятия в учебниках.

Требуется значительно больше, чем наличие частной хозяйственной инициативы, чтобы "рынок" мог наиболее эффективно использовать ресурсы, а также создавал условия для благосостояния и свободы выбора. Требуется, например, чтобы ни один из производителей не был столь сильным, чтобы он мог влиять на предложение, а следовательно, и на цену. Требуется, чтобы потребители были примерно равны, чтобы ни одна отдельная группа потребителей не смогла вызвать перекоса в предложении, предъявив особый спрос на какой-то вид товаров. Требуется, чтобы повышенному спросу на товары соответствовало бы и повышенное предложение, а также чтобы любой желающий мог участвовать в конкурентной борьбе на рынке, если это сулит ему выгоду.

Как обычно указывают авторы учебников по макроэкономике, никогда еще не случалось, чтобы все эти предпосылки рыночной экономики сошлись бы одновременно на одном рынке, кроме "нескольких случайных ситуаций на местных рынках сельхозпродукции".

В действительности же далеко не все потребители находятся в равных условиях: некоторые из них состоятельнее других и предъявляемый ими спрос представляет значительно больший интерес для производителей. Также как далеко не все производители находятся в равных условиях – всегда кто-то сильнее других и может влиять как на цену, так и на качество товаров. Далеко не всегда повышенный спрос вызывает повышенное предложение –

в центральной части больших городов всегда имеется большой спрос на квартиры, но повысить предложение на жилье не очень-то удаётся, т. к. для нового жилищного строительства в этой части города имеется не так много земельных участков. Это же касается и свободы доступа на рынок. При всей кажущейся простоте там часто имеются ограничения: например, не так легко сколотить начальный капитал, чтобы начать производство персональных компьютеров.

Даже рынок "с провалами" (как это называется на языке экономики) – это всё равно рынок в том смысле, что цена регулирует и спрос и предложение. Но – и это важно – распределение ресурсов и распределение благ будет на таком рынке менее эффективным и менее справедливым, чем это предусматривает идеальная модель.

Идеал и действительность

Реальные рынки – их можно назвать реально существующей рыночной экономикой – редко соответствуют рыночному идеалу! Они отражают то равновесие сил, которое существует на данный момент, а не оптимально эффективное распределение ресурсов. Как показывают многочисленные печальные примеры, подобное неравенство на рынке приводит к неэффективному, а иногда и просто вредному использованию ресурсов. Предприятия с солидным капиталом зачастую хищнически относятся к природоиспользованию. В страны, где потребители не обладают достаточным влиянием, продают вредные или опасные продукты. Крупные производители лекарств цинично продают в бедные страны препараты, которые не были одобрены органами здравоохранения в богатых странах. Там, где имеется много рабочей силы, заработная плата часто бывает низкой, а условия труда опасны для здоровья или жизни.

Всё это – помимо морального аспекта пренебрежением здоровьем людей – представляет собой очень серьёзное разбазаривание ресурсов.

Многое из классической критики социал-демократами "рынка", в том числе и сегодня, на самом деле является критикой слабостей (провалов) существующих рынков. Когда агитаторы XIX в. нападали на рыночные силы, которые позволяли оптовым торговцам купаться в роскоши в то время, как дети прачки мечтали о куске хлеба, на

самом же деле они выступали с критикой против имущественного неравенства. При более справедливом распределении доходов прачка могла бы себе позволить купить не только хлеб, но и масло и колбасу. Ну а оптовика бы пришлось несколько поумерить свое сверхпотребление и не пришлось бы сюда примешивать рыночные механизмы. Скорее при таком распределении доходов можно было быстрее прийти к идеальной рыночной модели.

Критиковать недостатки реальных рынков, отличающихся от идеальных, вовсе не то же самое, что быть противником свободного обмена между продавцом и покупателем, выступать против свободы потребителей или частного предпринимательства. Очень часто критика слабостей рынка воспринимается как критика рыночной экономики. Или, точнее, частного предпринимательства. Поскольку в сегодняшних дебатах очень часто ставится знак равенства между рыночной экономикой и частным предпринимательством, то часто представители какой-то отдельной группы предпринимателей приводят рыночную экономику в качестве аргумента для принятия тех или иных мер, которые данная группа использует в своих узких интересах.

Но рыночная экономика вовсе не должна играть на руку отдельной группе предпринимателей. В полном соответствии со своим названием, рыночная экономика предусматривает, чтобы интересы предпринимателей уравнивались бы интересами потребителей и/или наёмных работников, и чтобы у последних была бы такая же возможность предъявлять свои требования, как и у предпринимателей.

Для того, чтобы получить такую возможность, иногда требуются действия коллективные. Закон о защите прав потребителей предъявляет, например, определённые условия надёжности продукции. Профсоюзные организации добились улучшений условий труда. Эти две стороны означают/демонстрируют, что мы располагаем более хорошими производительными ресурсами, как человеческими, так и материальными, а эффективное использование ресурсов — это и есть то, что рыночная экономика призвана обеспечить.

История шведской потребительской кооперации даёт также интересный пример того, как сильная организации потребителей заставила лучше действовать рыночные механизмы, и как с помощью этого была выполнена важная социальная задача. (Следует отметить, что идеологи кооперативного движения в

Швеции в 1930-х гг. призывали рабочее движение использовать рыночные механизмы для реформистской работы). Стала классической история о том, как кооперативное движение нарушило монополию производителей, когда само начало производить лампы накаливания и маргарин, в результате этого цены на эти товары снизились и качество стало намного лучше. До того, как жилищно-строительный кооператив ХСБ (HSB) не начал строительство домов с небольшими и удобными квартирами, которые были по карману рабочим, никому это не приходило в голову. После этого многие строительные фирмы последовали примеру ХСБ.

Да и сегодня имеется множество примеров того, как различные организации "зелёных" добились выполнения важных требований потребителей по производству более безопасных товаров, несмотря на то, что производители с самого начала утверждали, что по техническим причинам выполнение этих требований невозможно.

Даже либералы часто соглашались с тезисом о том, что "совсем нерегулируемые рынки" не всегда действуют в соответствии с идеалом рыночной экономики. Но "совсем нерегулируемые рынки" — это всегда то же самое, что рынки, на которые собственники предприятий и капитала имеют очень сильное влияние. Или комунибудь приходилось слышать о "совсем нерегулируемых рынках", где слишком большое влияние имеют потребители?

Дело в том, что мир бизнеса вовсе не по доброй воле подчиняется правилам рыночной экономики. Безусловно, частное предпринимательство является одной из предпосылок существования рыночной экономики, но это не означает, что наличие частного предпринимательства гарантирует появление рыночных отношений. Оставленные "без надзора" частные предприятия часто начинают действовать вразрез с принципами рыночной экономики.

Кроме того, условия рынка предусматривают наличие конкуренции между несколькими между собой независимыми предприятиями; причём ни одно из них не может быть столь крупным, чтобы влиять на изменение предложения, а следовательно, и спроса. В реальной жизни большая часть предприятий пытается избежать конкуренции. Наиболее часто используемый здесь метод — предоставление своему товару особого "фирменного" статуса, дающего ему преимущество перед другими равнозначными товарами. Известно также, что на практике производители делят между собой рынок, или же несколько

небольших предприятий сливаются в одно, чтобы лучше противостоять конкуренции. В некоторых случаях бывает и так, что более крупные предприятия приобретают более мелкие только для того, чтобы стать монополистами на рынке.

С точки зрения предпринимателей всё это логично и объяснимо: положение своего предприятия, возможность получения доходов будут тем лучше, чем меньше реальных конкурентов останется на рынке. Поэтому в частном предпринимательстве имеется тенденция к концентрации, это отчётливо показал еще Маркс.

Наличие законов, запрещающих создание картелей и препятствование конкуренции, важное условие для обеспечения рыночной экономики. Социальные институты, такие, например, как законы о предпринимательской деятельности, играют важную роль в создании действующих рыночных механизмов. Использование государственного регулирования для обеспечения условий для рынка может показаться парадоксом. На самом же деле — это иллюстрация к вышесказанному: само частное предпринимательство не гарантирует установление рыночных отношений; важно всегда различать интересы рынка и интересы отдельных производителей.

Недостатки рыночной модели

Рыночная модель, так же как и все экономические модели, имеет ограничения. Имеется целый ряд моментов, с которыми она не может справиться, даже в своей идеальной форме.

До сих пор рынок не смог справиться с такими благами, на которых отсутствует ценник, такими как воздух и вода, а также окружающая среда в самом широком смысле. Рынку трудно учитывать интересы малых групп. Если бы даже все отдельные потребители обладали совершенно одинаковой покупательной способностью, то всё равно бы возникали ситуации, когда было бы выгоднее производить товары, на которые предъявляют спрос сотни тысяч людей, чем такие, которые нужны десяти. Если, конечно, эти десять вместе могут заплатить чуть больше, чем остальные сто тысяч человек.

Это свойство рынка сосредотачиваться на центральной части, где находится большинство покупателей, особенно наглядно в секторе СМИ. Сегодня имеется большой выбор телеканалов, но все они

выпускают приблизительно одинаковые программы: новости, спорт, развлекательные программы. Поскольку здесь имеется интерес широкой публики, поэтому здесь можно хорошо продать рекламное время. Свобода выбора, предлагаемая рынком, заключается не в предложении разного рода программ, а в выборе множества каналов, на которых можно увидеть тот же тип программы.

Даже те, кто обычно являются горячими сторонниками рыночной системы, осознают сейчас необходимость вывода нескольких каналов из зоны рынка для того, чтобы зрители со специальными интересами имели возможность что-то для себя выбрать.

В более широком смысле можно это сформулировать таким образом: рынок не может распределять ресурсы в соответствии с потребностями, а лишь в соответствии со спросом, который можно выразить в денежной форме. Поэтому рынок всегда будет отдавать предпочтение такому спросу, который лучше оплачивается.

Ортодоксальные сторонники рыночной системы как правило отрицают такого рода критику и утверждают, что производство должно заниматься тем, что в данный момент пользуется наибольшим спросом. Наличие высокого спроса отражает большую потребность, утверждают они. Эти рассуждения совершенно не учитывают различий в материальных возможностях, определяющих потребности. Тот факт, что детишки, живущие в трущобных районах в Латинской Америке, не могут себе купить обувь, в то время как представители высших слоев общества покупают себе модные тряпки практически каждый день в качестве развлечения, вовсе не говорит о том, что потребность в обуви у детей меньше, чем у элиты общества в модной одежде. Единственный вывод из этого заключается в том, что у элиты общества значительно больше средств на покупки.

Нет сомнения в том, что зачастую трудно объективно определить, в чем состоят "потребности", когда речь идёт о том или ином товаре. "Потребность" в красных креслах по сравнению с "потребностью" в голубых велосипедах трудно определить с помощью объективных критериев, так же как "потребность" в печках УВЧ по сравнению с компакт-дисками или в слаломных лыжах по сравнению с растениями для альпийской клумбы в саду. Такого рода потребительские предпочтения могут быть выражены лишь свободным рынком, на котором сами потребители (с примерно

равными возможностями) отдадут предпочтение тем или иным товарам в рамках своих финансовых возможностей.

Однако есть основные потребности, которые можно назвать с определенностью. Это потребность в пище, чистом воздухе и чистой незагрязнённой воде, в здравоохранении и образовании.

Когда речь буквально идёт о товарах жизненной необходимости и когда их предложение ограничено экологическими или экономическими факторами, то представляется нецелесообразным распределять их в соответствии с ценовым механизмом, т. е. дать возможность состоятельным приобрести их, а остальных оставить без всего. Здесь требуется нечто другое, нежели рыночная экономика.

Социальные услуги, такие, как медицинское обслуживание и образование, являются примером таких "товаров жизненной необходимости", где необходимость, а не толщина кошелька, должна быть определяющим фактором при распределении. Но вне всякого сомнения, наиболее важным из ограниченных ресурсов, которыми располагает человечество, является окружающая среда в широком смысле. Свежий воздух и чистая вода – не те блага, о которых можно торговаться. Так же как о протяженности Гольфстрима или толщине озонового слоя. Именно поэтому это не те активы, которыми мы можем распоряжаться по законам рынка, здесь необходимо введение обязательных правил обращения рынка с природными ресурсами. Таких правил, которые сама рыночная система не может ввести. Они должны быть установлены в ходе политического обсуждения, где исходным пунктом будут возможности самой природы, а не та цена, которую рынок готов заплатить за чистые экологические условия.

Разумеется, в определённых ситуациях можно использовать и рыночные механизмы для охраны окружающей среды; это происходит в случаях совершения действий, губительно действующих на окружающую среду. Тогда на нарушителей накладываются штрафные санкции, и совершать повторно подобные нарушения им становится весьма невыгодно.

Но эти санкции сам рыночный механизм выработать не может. Это должно быть осуществлено вне зоны рынка, в области политики.

В политических дебатах, которые ведутся в наше время, заметна тенденция противопоставлять рыночную и политическую системы, представлять их как две несовместимые величины. Но в

действительности речь идёт не о выборе: "то" или "это". Скорее, можно сказать, что речь идёт "о том и о другом". Рыночная экономика – гибкая и эффективная система для предложения потребительских товаров. Но иногда требуются политические меры для того, чтобы добиться равновесия между потребителем и производителем, а также различными группами потребителей, что требуют законы самого рынка, чтобы он нормально функционировал.

А с определёнными моментами рынок просто не справляется. Требуются правила, принятые в результате политических дебатов, по отношению к таким благам, которые либо не имеют цены (и не могут иметь) или же в силу их важности для жизнедеятельности людей не должны распределяться по ценовому механизму.

Социал-демократия обычно называет это экономикой смешанного типа. И эта та модель, которую поддерживает социал-демократия.

Экономическая демократия

Требования социал-демократии к экономике хозяйства страны обычно носят название "экономической демократии". Это собирательное понятие для различных экономических требований в рамках смешанной экономической системы. Это требования, существующие на нескольких уровнях, что отличает их от требований решения определенных организационных вопросов.

Как мы уже указывали несколько раз ранее, в классическом требовании национализации речь шла о влиянии. Влиянии на отдельное предприятие, экономику страны, общество. Во второй половине XIX в., когда рабочее движение росло и крепло, частное предпринимательство имело очень большое влияние во всех этих трех сферах. Поэтому центральным объектом критики являлась собственность, и в качестве решения проблемы называлась отмена частной собственности.

Но проблема заключалась не только в том, чтобы отнять влияние у собственников-капиталистов, нужно было его еще передать. Речь шла о влиянии на нескольких разных уровнях, влиянии, которое не должно было исходить из одного источника: неважно, шла здесь речь о частном собственнике или государственной собственности. Часть этого влияния, которым располагали крупные

промышленники в XIX в., нужно было передать гражданским демократическим органам. В первую очередь речь здесь шла о реформе по введению всеобщего избирательного права, чтобы не только собственники капитала, но и другие слои населения могли влиять на законодательство и налогообложение. Но другие вопросы касались вовсе не политики. Они касались предоставления потребителям больших возможностей влиять на ассортимент и качество товаров, а также возможности для наёмных работников влиять на уровень своей заработной платы и условия найма.

Классические требования национализации были весьма ограничены: в них не было места для разнообразия форм влияния. Предполагалось в условиях полностью национализированной экономики осуществлять влияние со стороны наёмных работников, потребителей и граждан страны через одни и те же каналы, что абсолютно неосуществимо. Разные формы влияния требуют разных инструментов воздействия, и поэтому крайне важно, чтобы всё здесь действовало; иначе конечный результат может оказаться таким же, как в советской системе, где ничего не функционировало.

В экономической демократии речь идёт о создании разных механизмов влияния, а также о совместном согласованном принятии решений, касающихся производственных вопросов и условий труда, работниками и руководством предприятий. Поэтому это нельзя втиснуть в рамки нескольких упрощённых и схематичных моделей. Это, возможно, звучит не столь же громко, как старое требование о национализации, но по содержанию оно ему не уступает.

Очень важной частью экономической демократии является, естественно, влияние наёмных работников на условия своего труда. Это влияние, которое работники должны иметь в качестве работников, для этого им не требуется быть акционерами своих предприятий.

Реальное влияние потребителей и защита их интересов тоже являются частью экономической демократии. Также как влияние граждан страны на ту часть производственной жизни, которая затрагивает общественные отношения в целом.

Таким образом, экономическая демократия должна осуществляться "на многих уровнях и в различных формах", как это сформулировано в Программе Социал-демократической партии.

На одном уровне речь идёт о политическом, гражданском влиянии. Сюда входят требования экономических рычагов

управления и требования о принятии ряда законов: об охране окружающей среды, об охране труда, закона о совместном принятии решений профсоюзами и руководством предприятий, закона о гарантии качества продуктов, закона о декларации товаров — это только несколько примеров. Политическая демократия не может основываться только на законодательстве и контроле властных структур. Экономическая демократия не может основываться только на государственном регулировании. Здесь очень важно, чтобы граждане общества имели возможность сами осуществлять влияние и принимать ответственность, как индивидуально, так и коллективно — в качестве наёмных работников и потребителей.

Наёмные работники в некоторых случаях должны оказывать коллективное влияние через профсоюзы. Отчасти потому, что они имеют общие интересы, а отчасти потому, что совместные выступления придают им силу при ведении переговоров. Имеющие хорошее образование, пользующиеся большим спросом специалисты могут, безусловно, самостоятельно договориться с администрацией о высокой оплате труда; уборщице, сварщику и продавцу в магазине для этого требуется поддержка коллектива.

Но и в других, одинаково важных сферах деятельности речь идёт о возможности роста для каждого работника, а также о влиянии на свою работу и карьеру. В разных отраслях Швеции сегодня очень разная ситуация: некоторые виды работ дают очень большую свободу и большие возможности для профессионального роста, другие же очень однообразны, в них отсутствует элемент развития и действия работников строго контролируются. Социал-демократы имеют чёткую точку зрения по этому поводу: работа должна быть организована на каждом рабочем месте так, чтобы все, независимо от должности, имели возможность оказывать влияние на свою работу, расти и развиваться, успешно продвигаться по служебной лестнице.

Но для того, чтобы обеспечить выполнение этих индивидуальных целей, часто требуются коллективные действия профсоюзной организации.

Практический пример: чтобы оказать влияние на экологическую безопасность товаров, потребители действуют с помощью совместных акций. Когда речь идёт о таких групповых услугах, как дошкольное воспитание или школьное образование, то влияние легче всего оказывать через группу — родителей в детском саду или учеников класса или школы. Государственный сектор должен быть

организован таким образом, чтобы там всегда имелась возможность для влияния потребителей.

Но потребители должны иметь возможность оказывать и индивидуальное влияние. В частности, это касается возможности альтернативного выбора. Предпосылкой для этого является наличие широкого и разнообразного ассортимента товаров, что, в свою очередь, требует прямого взаимодействия потребителей и производителей. И уже совсем другое дело, что и на рынке и в государственном секторе имеются различного рода ограничения, например, количество наименований для альтернативного выбора.

Право выбора предусматривает также, что сам потребитель обладает достаточными материальными ресурсами, чтобы из нескольких вариантов выбрать один, не обязательно самый дешёвый. Таким образом, экономическая демократия должна давать возможность прилично зарабатывать!

Не исключено, что между разными частями экономической демократии могут возникать внутренние противоречия. Медицинские работники, как и все остальные работники, имеют право оказывать влияние в своих лечебных заведениях, но их влияние должно быть согласовано с правом больных и их близких оказывать влияние на качество предоставляемых медицинских услуг. Или общие гражданские требования, предъявляемые к предприятиям-нарушителям закона об охране окружающей среды, могут восприниматься работниками как угроза для них, так как установка очистных сооружений и другие меры значительно увеличивают расходы предприятия. Таким образом, право работников на сохранение рабочего места вступает в конфликт с правом потребителей на свободу выбора товаров и альтернативное предложение. Снижение ассортимента может быть связано с тем, что экологически опасные предприятия будут закрыты.

Редко можно найти однозначные решения для таких конфликтов. Поэтому крайне важно, чтобы все заинтересованные стороны принимали участие в общественных дебатах. Это также является одной из причин, почему должно иметься множество каналов влияния. Тогда можно прийти к самым разумным решениям – и это должны сделать сами участники конфликта без вмешательства со стороны государства.

В начале своего существования в рабочем движении бытовало такое представление, что "социализм" может раз и навсегда создать надёжную гарантию занятости. Эта точка зрения часто звучала в

дебатах об экономической демократии. Это, конечно же, невозможно. Развитие науки и техники, изменения в потребительском спросе всегда будут приводить к тому, что одни предприятия будут исчезать, а новые появляться. Но в задачу экономической демократии также входит оказание помощи тем, кого коснулись эти перемены.

Таким образом, экономическая демократия – это собирательное понятие, но оно выражает классическую задачу рабочего движения: экономикой страны должны править не интересы собственников предприятий, а согласованные интересы различных групп общества.

Почему пал коммунизм?

В 1917 г. большевики во главе с Лениным захватили власть в России в результате переворота, получившего название Великой Октябрьской революции. Россия стала Союзом Советских Социалистических Республик, СССР.

Земля, природные богатства, промышленность — всё было объявлено народным в результате пролетарской социалистической революции, предсказанной Карлом Марксом, на основе которой должно было быть построено новое бесклассовое общество.

В 1989 г. под тяжестью своих собственных неудач рухнула советская империя, оставив ужасающую историю политических репрессий и подавления свободы; историю, длинные отрезки которой ассоциировались со страшным террором. Общественный строй, который пал вместе с Берлинской стеной, был отчётливо выраженным классовым обществом, где вся власть была сосредоточена в руках партийно-государственной элиты. По всем пунктам этот строй противоречил социалистическим идеалам свободы, равенства и братства, во имя которых создавался Советский Союз. Как говорил немецкий философ 19-го века Фридрих Гегель³: "Всё превратилось в свою противоположность". Теория Ф. Гегеля о диалектике сыграла важную роль для марксизма.

Советский строй очень серьёзно дискретитировал понятие "социализм" и многие, в особенности представители буржуазных партий, утверждают, что он продемонстрировал нереальность таких социалистических ценностей, как равенство и солидарность.

Но тот факт, что лишенный свободы, равенства и солидарности общественный строй разваливается, ничего не говорит о воз-

³. Гегель (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831), немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической основе систематическую теорию диалектики.

возможности или невозможности идеалов свободы, равенства и солидарности. Свидетельствует он о том, что невозможно реализовать эти идеалы с помощью методов, которые им противоречат. Или выражаясь языком Маркса: если производительные силы организованы таким образом, что они предполагают власть меньшинства над большинством – а СССР был примером именно этого – то и в обществе не будет демократии и равноправия.

Для социал-демократии это было самоочевидно. К сожалению, до сих пор продолжают вестись некие социалистические дебаты, которые игнорируют все извлеченные уроки. Вместо этого крах плановой экономики там объясняется деспотичностью лидеров, наличием старых недемократических (бюрократических) структур, доставшихся еще с царских времен и т. д. и т. п. Это – искажение действительности.

Настоящим объяснением является идеология КПСС, т. е. марксизм-ленинизм, который сформировал всю политическую и экономическую организацию. Неизбежный вывод, который должны сделать для себя все те, кто хочет остаться верным социалистическим идеалам, заключается в том, что централизованно и директивно управляемая монолитная система не способна осуществить эти идеалы, даже если чисто внешний признак – коллективная собственность на средства производства – соответствует классическим социалистическим теориям. Дело в том, что определяющим фактором является не форма, а функция и содержание.

Большевистская революция

Самодержавие в России было свергнуто в марте 1917 г. в результате многолетних беспорядков и выступлений против жесткого тоталитарного правления. Власть перешла к буржуазно-демократическому (Временному) правительству, но в ноябре того же года оно было свергнуто большевиками, небольшой, но хорошо организованной партией во главе с В. И. Лениным. (В то время Россия все еще жила по григорианскому календарю⁴, согласно которому революционные события происходили в феврале и Октябре. В исторических источниках они известны как Февральская и Октябрьская революции).

Коренное изменение, произошедшее в ноябре 1917 г., можно скорее назвать переворотом, в результате которого большевики стремительно захватили ключевые учреждения в столичном Петрограде, заняли правительственные здания и арестовали Временное правительство. Ни широкой – ни даже ограниченной – поддержки масс большевики не имели, этого даже сами они не отрицали. Революция была совершена от имени народа, но не самим народом, т. е. большевики хорошо понимали, в чем состоял текущий момент.

В самой идее, что небольшая элитная ”кучка”, правильно понимает ситуацию и имеет право действовать от имени народа, независимо от того, что думает при этом сам народ, явилась в конечном итоге главной причиной катастрофы советского курса. Это было теоретически обосновано теорией об авангарде, на которой позже будет построена вся система.

Большевики натолкнулись на проблему теоретического плана в отношении свершенной ими революции: она не следовала марксистской схеме развития, на которую они сами же ссылались. Согласно этой теории, пролетарской революции должна предшествовать стадия капитализма. Лишь при капитализме высвобождаются производительные силы, которые могут обеспечить столь обширное производство, что возможным становится бесклассовое общество, т. е. общество без борьбы за средства производства. Сам капитализм, однако, не мог этого осуществить, т. е. не мог контролировать силы, которые сам же и создал. Для этой перемены требовалась пролетарская революция. Её должны были осуществить промышленные рабочие, которые одновременно составляли и большую часть населения.

Но в 1917 г. Россия никак не была индустриальным государством, скорее с феодально-крестьянским укладом. Волнения и выступления в период 1905-1917 гг. следует скорее рассматривать, как реакцию на неспособность феодального режима приспособиться к

⁴ Современный календарь называется григорианским (новый стиль), он был введен папой Григорием XIII в 1582 году и заменил юлианский календарь (старый стиль), который применялся с 45 года до н.э. В юлианском календаре средняя длительность года в интервале 4 лет равнялась 365,25 суток, что на 11 минут 14 секунд длиннее тропического года. Длина года в григорианском календаре в среднем равна 365,2425 суток, что лишь на 26 секунд превышает тропический год. Григорианский календарь более точен, поэтому в нем меньше високосных годов, вводимых для устранения расхождения календаря со счетом тропических лет. В России григорианский календарь введен с 14 февраля 1918 года (прим. пер.).

требованиям развивающейся промышленно-торговой экономики. Рабочего класса, занятого в промышленности, практически не было и в марксистском понимании Россия никак не была готова к социалистической революции.

Таким образом, Октябрьская революция вытекала не из логики марксистского экономического учения, а была политически срежиссированным действием такого типа, которые сам Маркс исключал в качестве метода воздействия на историю. Революция явилась выражением воли революционеров поторопить естественный ход истории и перескочить через пару необходимых стадий.

Для оправдания подобной поспешности, идущей вразрез с теорией Маркса, большевики придумали теорию об авангарде.

Теория об авангарде

Теория авангарда заключается в том, что авангард, т. е. просвещенная элита, которая ранее других в обществе ощущает объективный ход истории, и предвосхищает этот процесс с помощью осуществления необходимых изменений, которые так или иначе явились бы конечным результатом исторического развития, от имени народа.

Теория основана на детерминизме К. Маркса, т. е. представлении о том, что развитие подчиняется определенным законам, а поэтому тут нет предмета для обсуждения. В соответствии с этими двумя идеями – фаталистическим ходом развития и способностью элиты ускорить этот процесс, пролетарская революция могла свершиться досрочно и небольшой группой. В соответствии же с этим, вся политическая власть отдавалась Коммунистической партии, т. е. "авангарду", всегда знавшему, как правильно интерпретировать развитие событий. Другие партии не имели права на существование, да в этом и не было большой нужды, согласно опять же исторически детерминистической точке зрения: они бы завели развитие явно в неверную сторону.

Членство в КПСС никогда не было открытым. На всем протяжении своего существования она была партией селективного типа. Желающим вступить в КПСС в течение достаточно длительного срока нужно было доказывать, что они были достойны пополнить её ряды. Ну а критерии "достоинства" определялись теми, кто уже в ней имел влиятельные должности. Критически на-

строенные люди не могли ни создать другую партию, ни вступить в КПСС с тем, чтобы изнутри попытаться изменить её политику. В КПСС состояло около 10 % населения СССР. Ограничение это тоже было совершенно сознательным со стороны партии: партия не должна быть массовой и народной, а в ней должна состоять просвященная и марксистски подкованная элита.

Теория об авангардной роли логически сочетается со взглядом на предопределенность истории: для тех, кто верит в то, что исторический процесс неизбежно должен был закончиться определенным образом, не представляло большого труда перескочить через несколько промежуточных этапов для того, чтобы немного быстрее достичь конечного результата. Ошибка здесь в том, что историческое развитие заранее не предопределено; на него оказывают влияние люди своими действиями, как индивидуальными, так и групповыми.

Если подобно марксистам-ленинистам допускать только одну форму политического влияния, которая подогнана под элитное меньшинство, находящееся у власти, которое не контролируется большинством, то возникает лобовое столкновение с принципами демократии, свободы и равенства.

Странное совпадение: аналоги теории об элите и теории исторического детерминизма мы находим и в некоторых правых политических течениях. Также у правых можно встретить элитарные взгляды, согласно которым власть и влияние следует приберечь для особо знающих и компетентных. Когда правые не желали введения всеобщего избирательного права, они мотивировали это тем, что невежественные избиратели станут легкой жертвой для безответственных агитаторов, которые поставят под угрозу спокойное и стабильное развитие общества в интересах всех граждан.

Среди сегодняшних шведских неолибералов имеется отчётливое вкрапление именно исторического детерминизма. Среди дебатов, которые велись в Швеции в 1990-х гг., легко можно найти ряд утверждений, где имеются другие взгляды и мнения. Но даже тогда, когда за ними стоит большинство избирателей, эти мнения отвергаются по причине "несоответствия требованиям развития". Некоторые политики местного уровня новолиберальной закваски пытались в ответ на высказанную в их адрес критику сказать, что "рядовой гражданин (Иванов)" не понимает, о чём идет речь. Правительственная политика проводилась также по принципу "единственного пути", в прямом смысле единственно возможного

для развития. Важно было следовать идеологической карте, а то, что реальная местность отличалась от изображенной, — было не столь уж важно.

Не только убеждённым коммунистам следует задуматься над уроками, извлечёнными из опыта советской системы: вера в неизбежность судьбы, фаталистический взгляд на ход развития, неверие в способность людей изменить ход истории — всё это не совместимо с рациональным подходом к решению. А также несовместимо с демократией.

Новая хозяйственная элита

Марксистско-ленинская теория общества является объяснением того, почему развитие в СССР свернуло в сторону от социалистических идеалов, которые само же и провозгласило. Советский строй, объявленный ближе к концу своего существования "реальным социализмом", соответствовал марксистскому критерию относительно коллективной собственности на средства производства, но не соответствовал ни одной из социалистических ценностей: ни свободе, ни равенству, ни солидарности, ни демократии. Он не был свободным, т. к. народ не мог ни свободно формулировать и выражать свои взгляды, ни свободно влиять на общество, в котором жил. В нем не было равенства, потому что общество было разделено на тех, кто имел привилегии, и кто их не имел, на командную элиту, не подвластную контролю народа, и на народную массу, не имевшую влияния на общество. В нем не было солидарности, т. к. жёсткий контроль власти за людьми создавал подозрительность и недоверие, делавшими сотудничество и доверие невозможными.

Отсутствие демократии являлось причиной всего этого, оно было частью идеологии советской строя.

Советский строй не соответствовал социалистическим идеалам и противоречил марксистской теории развития общества, которую, как считалось, он олицетворял. Но именно поэтому мы попытаемся объяснить его историю и падение с помощью именно марксистских терминов/определений. Октябрьская революция создала новый способ организации экономической жизни, в котором основной фактор производства, заменивший землю и деньги, назывался политической властью. Руководство КПСС выступало в этом

обществе в роли аристократии, контролировавшей весь производственный аппарат. И совершенно ясно также, что, как и прочими аристократами всех времен, пользовался он для собственной выгоды.

СССР был ярким примером классового общества с четким разграничением по всем параметрам: власти, доходам, привилегиям и возможностями развития для тех, кто распоряжался средствами производства и всеми остальными.

В период коммунистической эры СССР стал индустриальной державой и в послевоенные годы занимал ведущее место в некоторых видах промышленного производства, в первую очередь, в области вооружения и космических технологиях. В истории экономики имеется много примеров того, как эффективно тоталитарные системы могут мобилизовать ресурсы для некоторых видов технического развития. Так в 1970-ых гг. когда в экономике произошла некоторая либерализация, даже западные экономисты готовы были признать, что СССР вот-вот догонит экономику США. Боязнь растущего экономического и военного потенциала СССР в 1980-ые гг. вынудила США сделать серьёзные капиталовложения в программу космических вооружений, так называемые "Звёздные войны".

Но государства с командной системой не могут, как правило, справиться с требованиями развития многообразных технических и технологических ресурсов, как этого требует современная экономика. В лишенной гибкости советской плановой экономике нет возможности реагировать на меняющийся потребительский спрос. В рамках этой системы ни руководство предприятий, ни работники не могут проявить инициативу, чтобы сделать производство бесперебойным и эффективным. Неэффективность, бесхозяйственность, а также невозможность обеспечить потребности потребителей привели планово-экономическую систему к полному краху.

Не без доли иронии этот коллапс можно объяснить с марксистских позиций. Под руководством КПСС все производственные механизмы страны были вне всякого сомнения изменены; в ходе этих изменений произошло "освобождение производительных сил". Но в однопартийном государстве отсутствовала возможность использовать эти силы на пользу трудящимся массам. Заложенные в самой системе противоречия в конечном итоге и привели её к краху.

Возвращение к коммунизму?

Менее, чем десять лет спустя после краха планово — экономической системы коммунистические партии вошли в правительства нескольких восточноевропейских стран. В некоторых странах они одержали убедительную победу на выборах. В нескольких случаях речь идет о реформированных партиях, покончивших с марсистско-ленинским наследием. В других случаях имеются основания подвергнуть проведенную партиями "ревизию" известной доле сомнения. И в большинстве случаев речь идет о партиях, стойко сохраняющих свои старые позиции.

Тот факт, что коммунистические партии старого образца, несмотря на свою историю, снова вышли на политическую арену, объясняется теми сложностями, которые вызвали политические и экономические преобразования. В жизни многих людей появились совершенно новые возможности, возможности, которых они никогда не имели при старой системе, жизнь многих изменилась к лучшему. Но многие оказались за бортом. Стали расти безработица, бедность и социальные проблемы. Иногда это приходило очень стремительно. Нельзя отрицать, что во многих странах Восточной Европы капитализм показал свои самые неприятные стороны.

Мы убеждены, что из этих уроков политики всех цветов могут извлечь уроки для себя.

В качестве обычного объяснения причины краха командной системы обычно приводят её неспособность обеспечить высокий уровень благосостояния для всех своих граждан или свободу выбора. Это верное объяснение, но заметим, что относится это ко всем типам экономических систем. Если система не в состоянии обеспечить своим гражданам работу, благосостояние или свободу передвижения, у неё нет шансов на выживание, на каких бы красивых принципах она бы не строила своё существование. Действующие механизмы, а не риторика обуславливают отношение граждан.

Над этим следует задуматься тем приверженцам рыночной системы, кто сегодня предупреждает о том, что для того, чтобы рынок хорошо действовал, широкие слои населения должны будут согласиться в будущем с более низкой оплатой труда и более низким уровнем благосостояния. А почему, собственно, народ должен принять такой порядок, который приведет многих к обнищанию лишь для того, чтобы создать экономический прирост, от которого они сами ничего иметь не будут? Почему люди должны проявлять

лояльность системе, которая не уважает их желания и потребности? Какими аргументами надо пользоваться для защиты экономического порядка, который лишает часть трудящихся благ лишь для того, чтобы спасти [рыночную] систему от коллапса?

Не красиво звучащие лозунги создают поддержку той или иной политической или экономической системе, а то, какое отражение находят эти лозунги в будничной жизни народа. Это один из уроков, извлеченных из краха планово-экономической системы — как для левых, так и для правых.

Socialdemokraterna

© Издательство Социал-демократической рабочей партии
Швеции 1996 г.
Перевод со шведского Наталии Алексеевой
июнь 2001 г.